

ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ

«ВДОЛЬ ТУТОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ»

(роман)

Перевод Надира Агасиева

1. Циничная судьба и нахальное эго мое.

У игры ни начала, ни конца. И по мусульманскому и по христианскому календарю все началось 15 лет назад, а закончилось 13. По мне же – не было ни начала, ни конца. Я потерял счет времени. Все было замкнуто внутри бесконечности. Началось неожиданно, неожиданно закончилось, как песня трясогузки, что вдруг зазвучит и так же вдруг оборвется.

...Было ли все это, не было ли? Не думай даже. Держи лишь в памяти своей. Помни, что был я, нет, вернее, что были мы. Были дни любви, и была пережитая нами горечь. Помни это, в памяти храни, в сердце своем, не дай выпасть, не то разобьется вдребезги, и останешься ты ни с чем. А без памяти ты, да и я сам, что мы без нее. Это не так, - сказала она и засмеялась. Потом потрепала меня по волосам. Смотри, вот именно так, как сейчас. И было мне тогда 21, а ей 18...

Было время, когда на свете было полным полно того, что я любил, и очень мало того, что ненавидел. Потом того, что любил я, стало меньше. А это связано с судьбою, которую я всегда проклинал. Судьба же, как настырные спорщики в детстве, все время шла мне наперекор, словно мстила за что-то. Но за что? Странно. И сколько я ни думал об этом, в какие дебри не забредал, не мог понять, за что мне мстит Судьба, что ей от меня нужно. Вздорные претензии, ответственность же им – еще более вздорно. Все это было игрой, забавой, и я всегда играл с Судьбою. Но однажды Судьба меня прижала, да так, что я вынужден был склонить перед нею голову...

Сорвавшийся с Каспия ветер, как бесстыжая тетка, задравшая на голову юбку, носился по улице, набрасывался на деревья, лохматил их кроны лапою своею, цеплялся к ним, будто злился, ругался оттого, что стояли они у него на пути, хотел смять их, свалить наземь. В этом желании ветра, в этой необузданной прихоти чувствовалась неумная страсть, что-то интимное. Возможно, именно это действие меня настолько удручало, что я готов был уже сорвать со своей шеи «двухширванный»* галстук и бросить его беснующемуся ветру. Небу словно лень было пролиться дождем. Меня бесил, выводил из себя моросящий в тумане дождь. Это чем-то напоминало то, как моя контора, скрепя сердце, выдавала мне скудное мое жалование. Однако к моему удрученному состоянию, должно быть, ни ветер, ни дождь не имели никакого отношения. Может быть, мое состояние объяснялось видом из окна комнаты на втором этаже института, в котором я работал, он напоминал мне студенческое общежитие, где я когда-то жил. Во всяком случае, трамвайная остановка напротив, пассажиры, нетерпеливо ожидавшие трамвай, мелкий дождь на улице донесли до меня дух тех самых дней.

Тутовое дерево перед балконом, дабы укрыться от ветра, старалось просунуть макушку свою чуть ли не под самый балкон.

В мусорной свалке тлели подожженные осенние листья, и только что начавшийся мелкий дождь усиливал их тлеющий прелый запах. Во всем этом ощущалась некая гармония, но только какая-то дурная. Сердце сжалось в комок, словно неведомая сила высасывала из моих мышц всю энергию, оставляя после себя пустоту. По существу я

* «ширван» на сленге - купюра достоинством в 10000 азерб. манатов, приблизительно равная 2\$

сейчас должен быть упруг, как накачанный резиновый матрас, а выглядел как раз наоборот, ноги мои и все туловище были дряблыми. Полнящая меня из каких-то дальних далей печаль и валявшийся на столе смятый самолетный билет сжимали мне сердце. «Вам приглашение из Ашхабада», - это говорил, чему-то усмехаясь, молодой человек, которого я никогда до этого не видел. Казалось, что он глумливо зачитывает давно поставленный мне смертельный диагноз. Подписав мне какую-то бумажку, сел на мотоцикл и умчался по улице, оставляя за собой серый дым. Какое-то время я смотрел ему вслед. Хотел что-то спросить у него. Но что? И знает ли он ответ на это «что-то»? Достаточно было вспомнить название Ашхабад, чтобы увидеть заигрывание Судьбы со мною, плюнуть ей в лицо, рвать на ней волосы, выщарапать ей глаза.

В воздухе пахло осенью. Сердце так сжалось, что я явственно ощутил холодное дыхание инфаркта, обнаженные когти смерти я остановил всего лишь в нескольких миллиметрах. Потом, взяв себя в руки, вышел на балкон. Но что все это может значить, что это за игра такая? А, может, действительно, я всю свою жизнь только этого и хотел. Может, я и хотел прожить эту жизнь, придумывая для себя легенды и сказки. Я разозлился на себя, от злости хотелось рвать листья терзаемого перед балконом тутовника. Потом злоба по обыкновению сменилась вялостью, бессилием, на душе стало неуютно, я поверил в никчемность и пустоту жизни, в беспощадность и наглость судьбы. Человек должен быть нахальным, как судьба, не так ли?

Я ведь был маленьким ребенком до вчерашнего дня. Прятался со сверстниками под кроватью, играл во дворе в прятки, пас ягнят, купался в запруде, обижался, как и все люди, язык мой различал вкус, я слышал биение сердца в груди и пульсирующее течение крови в жилах. А теперь!? Пусть так и будет, что ли? Кто-то испытывает меня. Испытывает бесконечно, непрестанно. Человек все равно не умрет. Сосед наш, Мамиш, в три погребели согнулся, чуть ли по земле не стелился, вспоминая все Финскую войну и войну с Гитлером, трех жен схоронил, четырех сыновей в жертву року отдал, скрипя истертыми гнилыми зубами, разве не отдал жизнь, не покорился нагло смеющейся судьбе. Покорился и терпел. И ты терпи.

Воеет ветер, дождь идет, люди смеются. Отчего же я такой разбитый и грустный? Может, тянет писать? Может, в этой кутерьме, во времена, когда бурно развивается техника, и когда в смятении бизнес, я оказался самым умным. Нет, дорогой, все эти шальные мысли не могут стереть, заставить тебя позабыть благие воспоминания. Потому что в них и есть смысл твоей жизни. Как банальна эта мысль, как стар тот слог. Вот так-то, так!

2. Яблони нежные цветы.

Только-только зацвели яблоневого деревья, маленькие пчелки как будто заывают Айшу. Утро оглаживает еще сонные яблоневого цветы, будит их поцелуями.

- Где же Айша? Здесь она! Где? Под кроватью! Ага, вот она Айша, - маленькая Айша, стыдливо перебирая маленькими пальчиками, хлопая глазками, вылезает из-под кровати.

- Ягнечок мой, ты почему туда залезла?

- Я пи-пи хотела, бабушка!

- Ай, Аллах, ты моя стыдливая девочка, да стану я твоей жертвой, родная моя.

Как хорошо, что нет сейчас здесь матери. Думает Айша, иначе побила бы, побила бы и все равно не успокоилась.

- Правду говорю, - Айша смотрит на меня. И не стыдится говорить эти слова уже большому мальчику, подростку. – Я боялась мамы. Потом она начинает плакать.

- Отчего тебе взгрустнулось?

- По маме соскучилась. Правда, она меня всегда била. А потом знаешь, что произошло? Трагедия... Будто сама с собою говорит. А когда закладывает рукою волосы за ухо, будто мысли свои поглаживает. – Трагедия началась с моего рождения, или даже раньше, еще когда мама невесткой переступила порог нашего дома, а трагедия, как стая голодных волков, уже ждала у порога. Стояла и следила за нами...

Айша плакала. Я, прижав ее голову к своей груди, целовал ее солоноватые слезы, гладил по волосам. Волосы Айши пахли яблоневыми цветами. В мечтах своих я для Айши плел венок из яблоневых цветов... На седьмом небе, там где порхают ангелы, Айша в белом-пребелом платье невесты стояла, опустив на грудь длинные черные волосы, склонив головку, ждала, когда я надену ей на голову венок, что бережно держу своими длинными пальцами, от счастья у нее плыли глаза... Ведь обо всем этом думать было так прекрасно. До сих пор ощущать на своей груди слезы родного тебе, соприкоснувшегося с трагедией человека, чувствовать на кончике языка, во рту солоноватый привкус ее слез, ощущать трепет ее существа. Но ее нет. Нет и все. Убежала, не вернется. Унесли ее. Жестокие люди, вырвав ее из твоих рук, унесли далеко. По сути, они должны были сами исчезнуть, сгинуть, как псы- попрошайки, как бродячие сучки. Но не ушли, не сгнули. Они ждали, стерегли момент и забрали, хотя время еще не пришло. Как в детстве моем забрал «Араз» мой мячик цвета голубого неба. Я стал кричать – меня не услышали, побежал следом – догнать не сумел, по ночам видел во сне, но поймать не сумел. Ягненок мой, невозможно поймать сон.

В то время как все начиналось прекрасно. Все было как в начале красивой сказки, а завершилось самыми печальными нотами. И вправду, с неба яблоко упало. Но что за яблоко то было, съест-то его съели, а видеть – никто не видел.

Сейчас у меня сердце сжимается. Будто кто-то держит сердце мое в своих руках, сжимает как эспандер, силу свою проверяет. Сжимает и отпускает...

- Откуда это яблоко? Эй, я у вас спрашиваю, откуда это яблоко? - Не отвечают. – Не слышите, что ли?!

Открыв дверь: - Ну, яблоко. А что случилось? – спросила удивленно. – Я его принесла.

- Будь ты проклят, - сказал я, и, взяв яблоко, запустил его подальше.

Яблоко со скоростью машины ударилось о ствол дерева, упало, но не помялось. Откуда-то появился бродячий пес, схватил яблоко и понес его куда-то, роняя слюни. Пройдя немного, поднял правую лапу, стал мочиться под стволом дерева. Обнаружились желтовато-розовые соски. «Сука». Подумал я про себя. Она, словно услышав меня, долго издали смотрела на меня, потом пошла своей дорогой. «Дурак-то не отмечен дубом на голове...» Ни она ничего не сказала, ни я, просто подумали.

3.Циничная судьба и нахальное эго мое.

(продолжение)

Чтобы как-то определить то, что стояло у самых корней моего уныния, следовало все снова пропустить через себя, поразмышлять. Но, независимо от себя самого, я безучастно наблюдал с балкона, как играет ветер с деревьями и людьми. В буйстве ветра и в моих, добровольно вновь переживаемых, сжимающих душу ощущениях, было

что-то мазохистское. Потому как ветру не могли не приносить страданий его метания из стороны в сторону, все было наоборот, и он от этого получал удовольствие.

Издали, со стороны моря, а, может, из дома напротив или из бара, обрывочно, как в испорченном телефоне, доносилась до меня грустная мелодия: «Вдоль тутовых деревьев». Когда-то я слушал эту песню в общежитии, лежа на кровати в темной комнате, и мне тогда казалось, что я больше никогда не буду улыбаться. Потому что судьба завязала со мною такие игры, о которых я отродясь не помышлял, о которых и подумать не мог.

Планы «Его», невидимого, связанные с моим Эго, наверное, были начертаны еще до моего появления на свет, и путь этот я должен был пройти, где бы я ни был, в небе, на земле, на воде, с теоретической точки зрения, как существо одушевленное и к тому же творение довольно-таки изменчивое, должен был прожить выделенное мне время соответственно начертанному плану. «Может статься, что Господь нас более чем любит, и из-за любви этой подвергает испытаниям» Это прочитывалось мною и на пыльных дорогах нашего села, и в ветреном воздухе Баку, и на блудливом лице Москвы. И эта мысль, как удары молота по наковальне вбивалась в мой мозг, не позволяя покинуть память: «Думп... таг, думп... таг» Потому у меня не было никакого основания обижаться ни на себя, ни на судьбу, ни на «Него», ни на все, ниспосланное им. Но что бы там ни было, та же сила гнала и ветер, и если бы я все представлял себе в мрачных, как в фильмах ужасов, красках, или же, напротив, решил бы посмотреть на все под разноцветными углами зрения, то увидел бы и того, кто гонит ветер, узнал бы, для чего он это делает, увидел бы и конечный результат. Пока же я ни о чем таком не думал, и желания думать о своем предназначении, может быть, самом дурном, неудачном предназначении на свете, у меня не было. То есть, если бы сейчас мне предложили самую высокую в мире награду, я все равно не стал бы стараться ни понять кого-то, ни получить истинное представление о происходящем. Я просто стоял и смотрел, не зная, чего жду, для чего жду и чем так опечален, понимая, что наблюдаю за всем по инерции. Вернее, это инерция, взяв меня за руку, вела за собой. Но я не двигался с места. Это как в детстве, когда я сидел на узком железном мосту над каналом, в нашем селе, свесив в воду ноги, задумчиво смотрел на стремительно бегущие воды, и мост, на котором я сидел, вдруг начинал уносить меня вслед за водой, мчал на такой скорости, что кружилась голова. Помянув черта, испугавшись его проделок, я поднимал голову, озирался по сторонам, и все снова возвращалось на свои места.

Стоя на балконе и уставившись в одну точку, я, независимо от себя, шагал куда-то в пустоту, лишь, когда ветер проносил мимо меня гонимые им обрывки бумаг, опавшие листья, я приходил в себя, и если даже забывал о времени, то о местонахождении своем помнил. И еще осознавал, что в этом буйстве ветра есть некая логика, она из меня исходит, во мне же и заканчивается. Как ветер, что, где-то начавшись, там же заканчивается. Все пусто и бессмысленно, как сам ветер. Ведь ветер обретает значимость и силу лишь когда стучит дождем в окно, не так ли?

4. Вдоль тутовых деревьев.

Ветер, подразнив деревья в парке, помутузив прохожих на улице, забираясь им под плащи, торопливо умчался и исчез, наверное, где-то там, у метро «Сахил». «Шелковица с белыми, ягодами спелыми. С милою намиловаться вдосталь не успели мы...» Когда я в последний раз провожал Аишу мы, сидя в ее комнате, слушали именно эту песню. И если ветер порою все же объявлялся, Аиша больше не появилась.

Каждый раз, когда Аиша слушала песни, из глаз ее стекали капельки слез. Склоняла набок голову, как нежный утренний цветок, и, устремив взгляд в одну точку, застывала.

Чтобы чувствовать ее аромат, оставшийся на улицах города, в стенах нашего факультета, летом после первого курса я не поехал в Баку, а остался в Москве. В моем представлении в Ашхабаде Аиша жила в узком квартале. Я помнил ее каждую минуту, каждый час, каждый день, и почему-то мне казалось, что обо мне она даже не вспоминает. Как сейчас помню такой же ветреный дождливый день в Москве, записавший в судьбе моей смертельный диагноз, и сейчас чувствую биение своего сердца, свои переживания в тот день, когда шел рядом с нею, подсознательно ощущая, как скучаю по тем дням.

Любви я желал с самого детства, с тех пор, как стал помнить себя, до чего же голоден был я до любви. Словно голодные волки искал я свою добычу. Добычу мне показали, но дать - не дали. По сути, счастье это было началом моего несчастья. «Твое счастье начинается с твоего несчастья». То ли она это сказала, то ли я подумал об этом в такой же вот дождливый день, когда Господь над нами смилостивился, а может, просто вспомнился прочитанный мною когда-то рассказ. Даже если и не было ничего, я понял это по ее глазам, многозначительным взглядам ее, прочувствовал сердцем своим. Сердце мое внимало ее устам, и выброшенная вон душа моя билась, как задыхающаяся без воздуха рыба. Я оказался не там, где должно было быть. Будучи рыбаком, сам попался на крючок. То ли рыба просчиталась, то ли я. «Пока женщина не завладеет мужчиной, он бежит за нею...»

- Интересно, почему здесь яблонь нет? - спросила она, беря меня за руки.

Я пожал плечами: - Наверное, оттого, что здесь холодно.

Естественно, ответ ее не устраивал, а может, она и не ждала никакого ответа. Спрашивала просто так. Вольный ветерок в бескрайних лесистых просторах Бородина, куда мы приехали собирать картошку, налетев внезапно, тронул желтый платочек на шее ее, погладил по волосам и скрылся в березовом лесу. За эти 15 лет ветер тот совсем не изменился. Все гонялся, все мчался за кем-то

В тот день, когда я провожал ее в Ашхабад, мы дошли пешком от Торгового центра до метро «Академическая». Купили в магазине куриного мяса. – Сварю-ка я тебе на прощание твое любимое кушанье, - пообещала она. И обещание свое сдержала. Вернувшись в комнату, мы отмечали ее отъезд. Наверное, в проводах есть какой-то свой особый смысл. Этот ритуал скрывает желание будущей встречи с человеком, которого любишь или хочешь еще раз увидеть.

Когда провожал я ее, посмотрел в глаза, они были цвета моря и так глубоки, что я боялся в них утонуть. Я почувствовал на губах своих солоноватый морской привкус воды, как чувствует привкус песка задыхающийся в пустыне путник. Хотя не было никакой особой связи между ветром и морем. Однако шел дождь, он непременно лился и в разделяющее нас с Аишой море, и рыбы, разинув к небу рты, с благодарностью принимали этот Божий дар. Я искал в глазах ее рыбу и, пустившись вслед за той рыбой, плыл к тому месту, где море соединялось с небом. Но с каждым шагом эта точка все ближе подводила меня к бесконечности.

Рыбы были моими налюбимейшими существами, моя рыба сущность проявлялась в моих притязаниях, и я чуть ли не небо старался притянуть к земле. Пока я говорил все это, она молча смотрела на меня и смеялась. «Сумасшедший ты, псих!» - говорила она, и это сумасшествие не могло меня не вдохновлять. Потому как псих о таких вещах думать не станет, а если и станет, то не напишет о них. Но как бы там ни было, суть находилась где-то посередине.

- Я не смогу выйти за тебя замуж. Меня тебе, а тебя мне не отдадут, – сказала она.

- Кто?

- Они!

Я так и не понял, кто были ОНИ, и что они были. Она же не стала ничего объяснять.

- Ты этого не поймешь, - сказала она. - Корень очень глубоко зарыт.

- Я буду тебя беречь, - чуть не умолял я.

- Нет, - сказала она. – Это никому не под силу. Но у меня к тебе просьба. Если будешь проходить по местам, где мы гуляли, вспоминай, пожалуйста, меня, тогда я буду чувствовать тебя рядом с собою.

Сказав это, Аиша закуталась в полушубок и растворилась в пахнувшем осенью городе. Она навсегда исчезла из моей жизни. У меня же не хватило смелости пойти за ней... Но я ее помнил: волосы ее хранил в памяти глаз, тело ее помнили мои пальцы, голос помнили уши, дыхание хранил в памяти нос.

Шли годы, а я все продолжал жить настроениями тех дней. На этот раз я должен был, покинув дряблкое, как у старой кашалотихи, брюхо Баку, отправиться за нею. Писательская же конференция в Ашхабаде была лишь предлогом.

5. Поющий судьбе.

Сначала стюардесса принесла нам воду. Потом предложила чай, кофе и завтрак, я ни к чему не притронулся. Эта красивая женщина в короткой красной юбочке спросила у меня: « Вы хорошо себя чувствуете?», и я кивнул. В салоне самолета кто-то закурил, мне стало не по себе. Стюардесса сделала курящему замечание.

- Вы читали «Поющий судьбе», - спросил я у стюардессы.

Она захлопала глазами.

- Там парень поехал за любимой девушкой. Все это происходит в далеком краю, где сходится он со своею любимой. Потому что все это было предсказано его 46 размера ступне, - говорю я.

Она, действительно, заинтересовалась. Почему бы и нет. Ведь это любовь. А любовь - такая зараза, не найдется, кого бы не зацепила... Это не я сказал. Об этом и тысячу лет назад говорили.

- Ну, тогда все прекрасно. А вы что-то не в духе? – говорит стюардесса.

- А вы разве никогда не грустите? – спрашиваю я.

- Бывает. Что толку-то?

- А вы тогда сочиняйте. Придумывайте что-нибудь о себе, - говорю, - я ведь тоже все придумал. Ее никогда и не было.

- Кого не было?

- Не было той девушки. Вернее, девушка была, только вот у меня не хватило решимости поехать за ней. Вот так, грущу, страдаю, - говорю я и закрываю глаза. И снова тот же сон...

6. Сон

Эпизод I

В полутемной комнате осторожно колышется занавес. На столе охапка яблоневых цветов. Девушка лежит на кровати в объятиях своего жениха. – Нет, нельзя, - девушка пытается высвободиться из его наглых рук. Это ей удастся, и она, застегивая платье, поднимается с кровати. - Прости меня, - говорит она парню. Парень, полулежа на кровати, смотрит на девушку, и девушка, взяв со стула свой плащ, уходит.

Эпизод II

Полутемная лестница. Потемневшие каменные стены говорят о том, что город древний. Размеренный звук шагов. И следом – звук других шагов, наводящих ужас. Знакомая по I эпизоду девушка держит в руке зонтик. Идет дождь. Девушка поднимается по лестнице, когда она доходит до темной двери справа, ее настигает парень (то были его наводящие ужас шаги) и вдруг неожиданно зажигает зажигалку. Видно лицо девушки под шляпой. Парень приглашает девушку войти. Девушка спокойно слушает его и входит...

Эпизод III

Парень ведет ее в комнату слева, где большие окна. Интерьер и орнамент говорят о том, что это мечеть.

Эпизод IV

Вслед за девушкой и парнем спешно идут люди, но, дойдя до стены, растворяются.

Эпизод V

Парень насилует девушку. Узоры, орнамент мечети, фрески в ней, осыпаются на пол, крошатся.

Эпизод VI

Девушка стоит полураздетая на бетонном полу. Парень говорит ей что-то и, одеваясь, выходит из комнаты.

Эпизод VII

Там же следователи слушают объяснение девушки.

Девушка: - Знаете, он был порядочным человеком.

Следователь изумленно смотрит на девушку.

Девушка: - Он сказал, что должен идти, потому что его жена болеет и он должен купить для нее лекарство...

Следователь: - И поэтому вы не стали кричать, звать на помощь?

Девушка: - Я боялась.

Следователь: - Парня?

Девушка: - Нет, мамы...

Эпизод VIII

Той девушкой была Аиша.

7. Циничная судьба и нахальное эго мое (продолжение)

Я проснулся оттого, что самолет трянуло. Тоска и печаль были еще во мне, пристроившись поудобнее, забавлялись, получая удовольствие. Ну, ей-Богу, наслаждались. Наслаждались и смеялись. Ну и пусть. А я буду вспоминать свое

студенчество, счастье, подаренное мне студенческими годами, буду вспоминать дни, полные любви. Потому что дни, связанные с Аишой, напоминают мне яркий, солнечный день. Будто гуляем мы с Аишой в лесу, пронизанном бахромой солнечного света, в нашем прекрасном дворе, который Аиша никогда так и не увидела, в нашем саду, поем птицам и цыплятам, бегаем за цикадами. Тогда как ничего этого в действительности не было. Все это всего лишь плоды моих мечтаний, мои грезы и сновидения. Дни без Аиши напоминали мне заблудившегося в тумане и мороси дождя, потерявшего свое стадо маленького пастушка, сироту, ребенка без матери, напоминали его маленькие, ноющие от холода пальчики, щемили душу. Детства Аиши я не видел. Почему же тогда я с самого детства вместе с нею, и едва увидев ее, захотел оберегать. От кого? От чего и почему?

Думая о тех днях, у меня не хватает сил осознать было ли все это, не было ли, а, может, все это было во сне, не знаю. Ведь бывает же, когда человек, часто думая об одном и том же, начинает путать место и время, нарушается ход времени и мыслей его.

Странно. Но мне и присниться не могло, что где-то на свете живет девушка, которая изменит всю мою жизнь, и что когда-то я до конца дней своих буду терзаться ее муками, я и предположить не мог, что любовь эта займет столько места в моей душе, словно ярлык на робе арестанта, осужденного на пожизненный срок. Теперь ее место свободно, и заполнить его можно лишь печальными воспоминаниями. А я давным-давно, еще в утробе матери, должен был подчиниться судьбе. Сам того не желая, появившись на свет в тесном кирпичном однокомнатном доме, я увидел людей, цыплят и кур, деревья, птиц, и сейчас, опять же того не желая, готов оставить все это и вновь уйти во тьму небытия. Однако на этот раз я с собой заберу человеческие голоса (заливистый хохот, всхлипывание), щебетание птиц, звон цикад, холодные блики осеннего солнца. И какое-то время, наверное, буду стоять у изголовья своего безжизненного тела и тихо плакать от души.

По сравнению со всем этим мое поступление в университет, переживания по этому поводу были сродни празднику, хотя я даже, может быть, сожалел о своем поступлении в вуз. Однако, видно, таковой была судьба, а, судьба, как я уже говорил, к месту или нет, все время меня прижимала.

8. Немного о Даше.

Почему мне вспомнилась Даша? Ах, понятно. Стюардесса на Дашу похожа. Курносая, веснушчатая блондинка, глаза, как у суки. На суку Дашу. Хоть на лестнице, хоть под лестницей готовую отдать кому и когда угодно. Дай сигарету и готово. Сучек я повидал.

Сука лежала в саду у Эниша, щенята, резвясь, вертелись вокруг нее, присасываясь к ее желто-розовым соскам. Мы сидели и смотрели на нее. Она же смотрела на нас. Не пугаясь и не стыдясь, доверчивыми глазами.

- И отчего же ты такая сука? - спрашиваю я.

- А потому что сука, - отвечает она и смеется.

Во всяком случае, я видел в ее глазах насмешку. Откуда-то из дальних далей. Как тревога и сожаление живого существа, которое не хочет распрощаться с жизнью, не увидев своего только что народившегося детеныша.

- А мне нравится быть сукой, - продолжает это существо на четырех лапах в саду Эниша, прибавив чуточку насмешки и пренебрежения в маленьких глазках.

- А почему ты стала сукой? - спрашиваю я, так просто, из детского любопытства.

- Назло кобелям, - отвечает она невозмутимо. Спокойно так говорит, будто семечки грызет. – А теперь пусть все эти самцы, весь мой выводок, всех сучек осемят и отомстят за меня. Посмотри, они все, как один – кобели, среди них нет ни одной суки...

В солнечный день, под переливающимися в солнечных лучах белыми облаками, в саду Эниша, сука, перевернувшись несколько раз со спины на брюхо, дразнила нас. А щенята – самцы, жадно терзали ее желто-розовые соски. Озорные солнечные блики играли на их счастливых мордах. А сука среди бела дня говорила восьмилетнему мальчишке: – Я – сука, сука.

-Сучек я видел! – говорил я Даше, с которой спал, дав ей сигарету. И естественно, думаю, вы понимаете, говорил, как все хвастливые мужики и к тому же еще, будучи юнцом, не познавшим мир. Но не все же на свете должно быть четко, нравственно, этично, не так ли. Нет, я не задаю вопрос, достаточно представить ваш утвердительный кивок. Я же остановился на том, что говорю Даше: - Сучек я повидал.

- Я поняла, что ты хочешь сказать. Я - сука, - говорит Даша, не меняя тона, не моргнув своими маленькими глазками, не повернувшись ко мне, как вполне благообразная дама.

- Тебе нравится быть сучкой?

- Нравится?

- Почему же ты стала ею?

- Назло матери.

Отвечает Даша и, затянувшись сигаретой «Ява», втягивает дым в легкие. Будто болото потихоньку заглатывает белые цветки вьюнка. Кольца дыма постепенно растворяются в воздухе, как тает в воде белый-пребелый снег.

-Все хотят стать кем-то назло кому-то, - говорит она и снова затягивается, аккуратно стряхивая пепел прямо в пепельницу.

- А почему я занимаюсь с тобой сексом? Назло кому? Судьбе?

Возможно. Но ведь секс и развлечение, и потребность.

Значит, и я ... и судьба... все мы, не так ли? - спрашиваю.

- Все мы, - подтверждает Даша, еще глубже затянувшись сигаретой, добавляет. – Причем добровольно...

Вообще-то Даша была не в моем вкусе. Но я вынужден целовать ее розовые соски, напоминающие соски суки. К чему только не привыкает человек... Но все это было гораздо позже. До тех пор же я слагал песни Аише.

И снова сон:

Сука, взяв в рот яблоко, тяжело задышала, потом, остановившись и помочившись под деревом, окинула издали меня долгим, внимательным взглядом, и снова, истекая слюной, пошла дальше. Я, быстро выбежав из комнаты, спустился вниз. Спокойствие в городе напоминало кладбищенскую тишину, висели полуоторванные вывески над магазинами, парикмахерскими, холодный, белый ветер не дает мне двигаться дальше, но я ее вижу. Сука, пройдя по улице Шамси Бадалбейли, хотела было свернуть налево, но чего-то испугавшись, стала осматриваться, потом, обернувшись, увидела меня, и, продолжая свой путь, вышла на улицу Гуси Гаджиева, свернула налево, пошла к улице Ахмеда Джавада, пройдя мимо урологической клиники к памятнику Ахундова и, дойдя до Института политологии, вновь свернула налево и скрылась в подвале рядом с Президентским аппаратом. Раньше здесь располагалась частная фотостудия президента. Я дошел до этого места и остановился. Собрался прикурить. Но зажигалка не сработала и,

бросив сигарету, я раздавил ее. Президентский эскорт, выехав из резиденции у Глазной клиники, свернул направо и, спустившись к Азнефти, исчез из поля зрения. Автомобили, поднимавшиеся со стороны Азнефти, как разгоряченные верблюды, сворачивали к «Баксовету».

Я вошел вовнутрь, куда падал свет из двери коридора, с ее размер. Яблоко лежало на старом столе. Сука смотрела на меня полублестящими глазами. – Я знала, что ты придешь, ты давно идешь по этому пути, но прийти боишься, - сказала она, взяв яблоко, внимательно посмотрела на него. – Прекрасно, не правда ли? – спросила она.

Кто-то утвердительно ответил вместо меня: - Прекрасно! – но я не смог определить, откуда донесся голос.

- От судьбы не убежишь, - сказала сука и разломил яблоко надвое...

- Вы хорошо себя чувствуете? - спросила Сука.

Надо мной стояла стюардесса. Сонно кивнув ей, я посмотрел в иллюминатор. Самолет летел, поглаживая крыльями белые облака.

9. Небо белое-пребелое, цвета голубино.

Самолет летит над белыми, пушистыми облаками. Я думаю о том, что сейчас я достиг того, о чем когда-то мечтал. Мне хочется, кувыркаясь голубем в белых облаках, прилететь к Аише... Наши души приветствуют друг друга... Белый голубь с полоской на шее, поклевывает нежные ладони девушки. Пальцы у нее длиннющие. Ноготки чистые-пречистые. Черные волосы спадают до самых щиколоток. Белое круглое лицо и миндалевидные глаза радостно смеются. Русалка обсыхает под лунным светом.

Мальчик сидит на барьере, болтает грязными пыльными ногами, шевелит пальцами ног, хитро смотрит на нее, улыбается.

Нежный ветерок от дерева раздувает цветастое телесного цвета платье девушки. Вьющиеся цветы покачиваются на водной глади. Видны ее белые молочные бедра. На солнце поблескивают животы перевернувшихся на спину полосатых рыбешек. Девочка поглаживает белые нежные крылышки, головку голубя, целует его маленькие, с зернышко подсолнуха, глазки.

Тянущийся с реки прохладный ветер словно поглаживает ладони мальчика, ангелы подолами своих шелковых складчатых платьев оглаживают руки его, руки Господние, прикрыв осторожно веками глаза его, укладывают тело его на повозку, идущую в рай.

Голубь поклевывает ложбинку между белыми грудками – как дыньки «шамама» - девушки.

Словно к сливкам припали губы парня, вкус только что съеденной ежевики вливается, просочившись сквозь зубы, в рот.

Груды девушки бугрятся под платьем, как грибы-трюфели, выбивающиеся из-под земли.

Ковшик, из которого мальчик, запрокинув голову, пьет воду, закрывает ему нос. Любовь и страсть душат его.

Девочка же занята голубем. – О, Аллах, какой же он красивый, - смотрит на мальчика и, дразня его, показывает ему язык.

Мальчик: - Я увидел твои ляжки, - и, дразня ее, корчит рожи.

Девочка бросает в него камень, топает ногою: - Брату скажу! – говорит она, надув губки. Однако голубя из рук не выпускает.

- Твой брат коров пасет, пастух он! – говорит мальчик.

- А у тебя залатанные штаны! - Говорит девочка. Голубь клюнул черную родинку у нее на щеке. – Ой, не щекочись, - говорит она, звонко смеясь. Глаза у нее сонные, как фиалки, только что показавшиеся из-под снега. «Фиалка влюбляется, кто от нас к вам отправляется».

Мальчик запрокинул к небу голову. Голубизна неба ослепляет, бескрайний простор кружит голову

Девочка, поглаживая голубя, краешком глаза смотрит на парня. Голубь будто влюбился в ее миндалевидные глаза. Чуть не клюет их.

Мальчик скрипит зубами, мышцы вздуты и напряжены, как у тигра в момент охоты, кровь полнит вены, как вода в арыке, что ищет себе путь.

Девочка прижимает головку голубя к груди, скрывающей маленькое сердце. Голубь чуть не задыхается, пытается вырваться.

Мальчик через силу отнимает ото рта ковшик, задохнувшись. Сердце его бьется, как бьется рыба, выброшенная на берег из воды.

Девочка чувствует в биении маленького сердечка голубя только что выброшенную на сушу рыбку, рыба хочет слизнуть капельки воды с губ мальчика. Девочка поднимает к небу бьющегося у нее в руках голубя. Раскрывает ладони, голубь не хочет улетать. Стоит, раскинув крылья.

Мальчик настороженно смотрит в бескрайнюю небесную синь.

Девочка: - Ой, какой ты смешной, ну, лети, лети к своей мамочке, потом снова прилетишь. Голубь же ее не слышит, лишь поклевывает ей ладони. Она берет из чувала зерно, сыплет ему на землю, голубь и не подходит. – Ах, какой же ты забавный, - говорит она. И снова краешком глаз смотрит на мальчика. Нагибается, собирает в ладонь зерно, с ее ладони голубь зерно клюет. Видны ее маленькие круглые, с маленькую дыньку «шамама», груди.

Мальчик: - Я увидел твои груди, - говорит он.

Девочка, поспешно оправляется, поднимается, чувствуя в своей груди дыхание Господне. Растерялась. Вспоминает освещающую все среди темной ночи луну.

Мальчик будто падает в обморок

- Я учительнице скажу, - говорит девочка.

- Э-э, ну и говори, к тому времени ты забудешь, да и кто боится учителей? - говорит мальчик и спрыгивает с барьера на землю. Берет себя за руку и начинает кружить себя... Школа закрыта. Лето будет долго тянуться. Не нравятся мне голуби, - говорит мальчик. – Потому что это голубь Дива.

-А ты, может быть, Меликмамед?* Я ненавижу Меликмамед. Разве можно убивать такого голубя?

- А я ненавижу Дива, И девочка, подвешенная за волосы – это ты. Ты - жена Дива и останешься висеть так вечно. Меликмамед тебя не освободит.

- Ну и пусть. Див лучше тебя. Он очень любит голубя....

Солнце развесило лучистую бахрому по деревьям. Лучи его играют в волосах девочки. Солнце смеется в ее волосах. Теперь голубь клюет ее волосы. Девочка высыпает зерна себе на голову. Голубь копошится в ее волосах.

Мальчик, опустив голову, вдыхает запах земли, будто дышит землею. Звук шагов Адама мешается со смехом Евы. Черная змея под землю ползет к ней, ластится...

* Меликмамед – сказочный герой

Когда девочка смеется, на щеках у нее появляются ямочки, опускается и поднимается родинка на щеке. Расплываются пухлые губы, языком облизывает губы...

Ты не воспитана, - говорит мальчик. - Потому что голубь целует тебя везде. Тебе-то что? - говорит девочка. - Иди к своей мамочке...

- Захочу, и я стану голубем, - говорит мальчик. - Буду летать. Смогу полететь, куда захочу.

Ну и иди, чего стоишь? Все равно потом снова вернешься. Прирос тут...

Мальчик, раскинув руки, летит по небу. Кувыркается в белом небе... Небо белое-пребелое...

10. Марсель Пруст и Шишкин

Первое, что поразило меня в Москве, это стремительное мелькание автомобилей и то, что люди постоянно куда-то спешили. А потом уже аудитория. Представили себе, каким подавленным, скованным окажется в огромной аудитории Московского университета человек, окончивший школу в маленьком селе? Я разве что не бляел, как маленький ягненок, отбившийся от матери. «Сим-сим, откройся!» Дверь распахнулась, и я вошел в большую аудиторию... Ее величина и наполненность светом показали мне значительнее и величественнее самого города. Теперь я был провинциальным дворянином, ступившим в Шахский Дворец.

Языковой проблемы, как таковой, не было, потому что я только вернулся из армии, и, в общем, справлялся. Самое несносное – это уроки физкультуры. К несчастью, я попал в группу самого жесткого учителя на факультете – баскетболиста. Занятия начинались в половине восьмого. Значит, просыпаться нужно было на час раньше, чтобы успеть к уроку. Опоздал и пропустил занятия – пеняй на себя. Достаточно три пропуска «н/б», чтобы распрощаться с университетом (и это было, действительно, так). Каждый раз просыпаюсь под заполнившие комнату звуки радио. Странно. Изменилось место жительства, а кровать и матрас остались такими же. Теплое-претеплое одеяло и вечная ненастность в сне. Сны мои теперь стали более благоразумны. Теперь я падаю уже не с дерева, а с вершины горы. Теперь на меня по земле мчатся не сошедшие с рельс поезда, а самолеты, врезающиеся в общежитие.

Радиоточка на стене в коридоре начинает работу с боя кремлевских курантов и гимна СССР, и, наверное, трудно найти человека, которому бы он надоел так, как мне. А если найдется – у него такой же ум, как у меня, и судьба такая же. Потому что этот гимн с самого детства преследует меня. По утрам, разбудив меня насилу, посылали или за травой, или пасти скот. Но избавиться от гимна было невозможно. Гимн должен был звучать, потому что радиоточка эта была такой, что в ней не убавлялся звук. Заглушить звук – было равносильно преступлению. Если честно, я и не хотел этого. Ведь не опаздывать и не попасться Наталье Ивановне можно было лишь благодаря ему. Мои счеты с радиоточкой не сводятся к одному лишь гимну. Дело в том, что эта радиовещательная точка заставила меня стать равнодушным и к ашугским песням. Когда я жил в селе, радио, висевшее над окном в нашем старом доме, начинало вещание вечером в пять часов. А в шестом часу звучали мелодии саза. И вместе с ними бабушка, разбудив меня, посылала за травой. Так что, волей-неволей, зло свое я срывал на ни в чем неповинных ашугах. С тех пор я ношу в себе комплекс недосыпания. К счастью, радио здесь работает лишь по утрам, потом дремлет до следующего утра.

А сами занятия – это еще та кутерьма. По настоянию Натальи Ивановны мы все купили красные шорты чуть выше колен с белыми полосками по бокам. В первые дни из-за стеснения надевать их я не хотел. «Человек не должен стыдиться своей красоты», – сказала учительница, и, наверное, из-за этих слов я охотно стащил с себя брюки и одел шорты. Мои длинные, худые, волосатые ноги к красоте никакого отношения не имели. Во всяком случае, я так думал. Но когда я увидел в шортах туркмена Гурбана, то напрочь забыл свою стыдливость. Ноги Гурбана, подпрыгивающего, чтобы забросить в корзину мяч, были такими тонкими, а шорты такими широкими, что, когда он опускался на пол, шорты его раздувались, как парашют, и казалось, на пол опускается бабочка.

Мне все равно тягостно, даже несмотря на то, что я знаком с азербайджанскими ребятами, учившимися в университете. В первые дни сентября смотрю в окно во двор, где стоят деревья с пожелтевшими листьями, на другой стороне, на трамвайной остановке, люди под зонтиками. Чужая картина. Идет сильный дождь, и в комнату льется запах земли. Мне вспоминается село, двор, жнивье. Был бы сейчас в селе, видел бы бескрайний простор, купающиеся под дождем серые холмы, скотину, пастухов. Я заскучал, затосковал и то, что учиться в Москве мне предстоит целых пять лет, привело меня почти в ужас. Человеку становится страшно, когда он думает о том, что жизнь его не вечна. Едва вспомнишь о том, что жизнь преходяща, что настанет время, и ты уйдешь из нее, как оторвавшийся от дерева лист, а дети, плещущиеся в арыке, снующие по дорогам машины, дремлющие в теплых постелях или любящие друг друга люди, останутся, как у тебя в жилах стынет кровь и бьет озноб от этих мыслей. И, находясь в Московском общежитии, обзревая чужую мне природу, погоду, общую картину, мысли эти мгновенно пронеслись в моей голове, странные чувства, заворочавшись в сердце, тяжело растеклись по жилам, и на какое-то время я нелепым, бессмысленным куском материи застыл в некой пустоте. Хотя прожитая до этого мною жизнь была прекрасна. Стой я сейчас под дождем, льющимся на «Островное место», «Мельничий арык», «Подножье одинокого тутовника», я бы получил гораздо больше удовольствия от общения с Господом, с сотворенным им жнивьем, с равниной, окаймленной холмами, сердце мое билось бы в унисон с дыханием Всевышнего и, сняв одежду, я бы купался под струями дождя, а потом, чтобы удивить сельчан, надел бы свою сухую одежду и погнал стадо к селу. Но все это возможно было лишь в мечтах, потому что только в мечтах и любит человек места, где родился. А счастье свое осознает лишь тогда, когда выпускает его из рук. Чувства же остаются. И сейчас именно эти чувства и будоражили мою память. Однако изменилось время и места, породившие те чувства. Даже теперь, если осенним днем с закрытыми глазами увезут меня в Москву, я узнаю ее по запаху. В памяти носа моего навечно откладываются запахи городов, где побывал я хотя бы однажды, и как только оказываюсь я в аэропорту того или иного города, память эта оживает. В этом смысле меня можно считать импрессионистом, и я верю, в последующей части моего повествования вы это почувствуете.

В комнате общежития нас живет пятеро. Самаркандец Рамиз, с утра до вечера зубрящий арабский язык, расположился в одном со мной углу, и я думаю о необычности этого языка, но, вспоминая о том, что через какое-то время эти ребята, уехав в Арабию, станут зарабатывать деньги, купят себе по «ГАЗ-24», я уже верю в то, насколько чуден этот язык. Однако вера эта не имеет отношения к тому, кто его изучает. Ни я ему этого не говорю, ни он этого от меня не слышит. Афганцы заняты лишь любовными похождениями, и под предлогом изучения русского языка отдают предпочтение развлечениям с русскими девушками. В первое время я не понимал, что находят красивые

русские девушки в этих неприглядных, пахнущих псиной афганцах, лишь позднее понял. Уфимец башкир Анвер живет в отдельном углу. Места всех пятерых пропорционально разделены занавесками. Хоть мы и не видим один другого, но всем ясно, кто, чем занят, по звукам шагов и дыханию. И потому иногда, если кто-то из ребят приводит в комнату девушку, от шума и стонов мы не спим до утра. В полном смысле. Эта сцена хорошо знакома мужчинам, живущим в общежитиях.

Студенты, проживавшие здесь до нас, украсили стены картинками из нелегально привезенного «Плейбоя». Назначение этих картинок было нам известно, и при случае мы ими с удовольствием пользовались. Полуголое тело красавицы на одной из этих картинок заставляло трепетать каждую точку наших мускулов. Рядом с этой картинкой я повесил картину Шишкина «В дождливую погоду». В ней была романтика, и всякий раз, разглядывая ее, я чувствую, как капли дождя падают мне на голову. Мужчина и женщина идут под дождем лесною дорогой, наверное, говорят о чем-то, что бы ни было, но душу щемит. К этой картине я сам для себя придумываю рассказ. Иногда мне кажется, что женщина – новая жена мужчины, и идут они домой, в село на окраине леса. В доме топится печь, и дым ее виден издали. На сердце у них покойно, тела наливаются приятным теплом. Потом они входят в дом, зажигают лампу, ложатся в теплую постель и занимаются любовью. А порой мне казалось, что женщина – любовница того мужчины. И женщина та – госпожа Бовари. В любом случае я хотел быть на месте того мужчины. Может, донжуанство в крови у каждого мужчины. Знаком ли вам мальчик, не объявлявший о любви к своей матери?

Позже, читая «По ту сторону Свана» Марселя Пруста, мне казалось, что картину эту Шишкин писал для Пруста. Но странно, когда родился Пруст, Шишкин давно уже был на том свете, и связывать эти произведения могла лишь их духовная близость. Потому что стойкость духа, эмоциональный настрой, со времен сотворения хомо сапиенс, людей, все те же и никогда не меняются. Есть и то, что творческие течения, к которым принадлежали Шишкин и Пруст, совершенно различны. Один – реалист-натуралист, другой – романтик-импрессионист. И если подойти к делу по справедливости, как самое малое, можно увидеть мое желание синтезировать обоих. В этом смысле я незаменим.

До Нового года мы занимались тем, что изучили все углы и закоулки факультета, бродили по окрестностям и знакомились с товарищами-студентами. Иногда, чтобы не скучать, я играл в футбол, но в одну из игр вывихнул ногу и вынужден был снова предаваться скуке. Лежа в комнате, я дремал, иногда покупал пиво в пивнушке перед общежитием.

Товарищ мой по комнате Рамиз - очень странный и простодушный парень. Как он сюда попал, мне неизвестно. Но об этом я у него никогда не спрашиваю, потому что от его товарищества и соседства я только выигрываю. Он очень аккуратен и со стряпней у него хорошо получается. Думает он только о том, как бы найти общий язык с девушками. Ему кажется, что в этой области я непревзойден. Естественно, в том, что он так думает, немалую роль играет мое вранье. Если же он купил обнову, его можно разбудить среди ночи и заставить примерить ее. Для этого достаточно пары слов: - Ну, как же идет тебе рубашка, а! – Рамиз тут же поднимается, надевает новую вещь и расхаживает перед зеркалом: - Правда, подходит? – спрашивает он снова и снова. Я клятвенно его в том заверяю, а после какое-то время, натянув одеяло на голову, давлюсь от смеха. Вспоминаю село, мост – место «премьеры» обнов сельской молодежи. Потом всю эту возню я пересказываю Аише, и она закатывается от смеха. Аиша красиво смеется, как утренний цветок, и я в жизни своей не слышал такого красивого звонкого смеха. Но в глубине глаз ее таится выражение, от которого порой, при взгляде на нее, меня пробирает озноб. В

такие мгновения из глаз ее будто свисают гроздь лда и, тая, исчезают под лучами появившегося вдруг солнца.

11. Когда жгут осеннюю листву, пахнет мертвечиной.

-А птицы, интересно, не мерзнут в такой холод? – глядя на уток в озере перед общежитием, спрашивает Аиша. Я пожимаю плечами. Знаю только то, что перья у них смазаны жиром и в воде не мокнут.

Услышав слово «мерзнуть», я вспоминаю произошедший с Рамизом случай и рассказываю его Аише. Рамиз очень сильно был влюблен в девушку по имени Ира. Однажды Ира, открыв дверь в нашу комнату, сказала: - Этот сумасшедший плавает там в озере, - и засмеялась. Честно говоря, я ничего не понял. Какой сумасшедший мог плавать в озере среди зимы? Но по прошествии какого-то времени, при виде вернувшегося, мокрого и дрожащего от холода Рамиза, я понял, что Ира говорила правду. Оказывается, гуляя у озера, Рамиз вновь заговорил с Ирой о своих чувствах. Сказал и о том, что ради любви ее готов на любые муки, начиная с того, что отец его согласится пасти свиней и, кончая тем, что он станет космонавтом. Ира неожиданно спрашивает: - А сможешь ради меня, вот так, прямо в одежде, броситься в озеро? Рамиз, не раздумывая, кидается в воду. Ира же, глядя на него, долго смеется и, оставив там «несчастливого Меджнуна*», возвращается в общежитие.

Ровно два месяца Рамиз пролежал в больнице с воспалением легких. Но Иру со своей любовью так и не оставил в покое. Ночью, перед тем, как его забрали в больницу, он бредил. Ужасной и в то же время смешной была картина, когда в ту ночь Рамиз встал и бросился вон из комнаты. Он искал ружье. Услышав от него про «ружье», я решил, что он хочет убить Иру. Но потом стало ясно, что он решил застрелить волка, волк же был в нашей комнате. Луна в окно осветила спинку стула, на который был брошен мой пиджак, он и показался Рамизу волком с носом и ушами.

Аиша долго смеялась, и я тоже вместе с ней. Потом подумал, что в его поступке не было ничего удивительного. – Человек ради любви своей должен быть готовым ко всему, - сказал я. – А ты бы бросился в озеро в мороз ради любимой девушки? – спросила Аиша. Я пожал плечами, а потом сказал: - Если девушка разумна.

- Мужчина ради любой женщины не должен идти на такое, - сказала Аиша, и я с ней согласился.

Похожий на бомжа старик, достал из старой грязной сумки сухой хлеб, кормил им уток.

- Давай и мы покормим птиц, - сказала Аиша. Взяв у старика немного хлеба, какое-то время мы развлекались, кормя длинноносых уток, а потом опять стали гулять вокруг озера.

Чуть поодаль жгли осенние листья. Аиша зажала пальцами нос: - Пойдем отсюда, - сказала она. Заметив мое удивление, добавила: - Когда жгут осеннюю листву, пахнет мертвечиной. И мы ушли оттуда.

- Когда повесилась моя мать, во дворе жгли листья. Мне тогда было 17 лет.

- Повесилась? – я удивленно смотрел на нее. – Повесилась, - спокойно ответила Аиша. – Может, второго такого человека и нет, который бы, как я, презирал свою мать, - сказала она.

Я был поражен.

- Во времена репрессий семью отца моего сослали в Туркменистан. Ему тогда было примерно 11 месяцев. Отца матери своей он не помнил. Он потом уже узнал, что отца расстреляли, а у матери случился разрыв сердца. Он вырос в сиротском приюте. Маму

увидел, когда она вступала в комсомол, и сразу влюбился в нее. Отец был комсомольским секретарем. Он очень любил маму. Какие только муки не перенес из-за нее... - рассказывая, Аиша наклонилась и, подняв с земли сухую травинку, стала завязывать ее в узел. – Но мама отца не любила. Парень, которого она любила в детстве, погиб в аварии. Дедушка уговорил маму выйти за отца. До самой смерти она считала, что парня того убил отец. Тогда как отец его даже не знал. И маму встретил он гораздо позднее. Но она всегда говорила отцу, что это ты убил его и давно уже следил за мной. Когда отец уходил на работу, она мучила нас, вымещала за что-то зло. Сначала, выпив лекарство, отравилась сестра, а потом повесилась мама. Говоря это, Аиша плакала, и я тыльной стороной ладони вытирал ей слезы.

- Моя красивая, ласковая сестра Адиля покончила с собой. Назло маме... Мы были близнецами, но в школу она пошла на год раньше меня. Я была слабой и не успевала бы в школе. Во всяком случае, так говорит отец. Мы обе, когда мамы не было дома, злословили о ней, обижались на нее, а потом из-за этих же своих слов плакали. В день, когда сестра покончила с собою, я была в школе...

Над городом, как неожиданно сорвавшийся ураган, пролетел самолет, и звук его прервал рассказ Аиши на полуслове. Пользуясь паузой, я предложил ей присесть на зеленой полянке. В Москве трава пожелтеть не успевает. Слишком рано выпадает снег.

- Уроки в 10 классе только начались. В тот год сестра поступила на заочное отделение Педагогического института. Работать же почему-то устроилась в больницу. Мне было непонятно, для чего будущему филологу работать в больнице. Сестра была обручена, и скоро должна была состояться ее свадьба. Перед замужеством она раздала свои платья мне и подругам. Я взяла костюм в стиле «сафари» молочного цвета, который нравился мне больше всего.

Два дня уже у меня болела голова. Я как будто чувствовала, что произойдет что-то плохое. Сердце сжималось. В тот день я пришла из школы, переоделась и хотела пройти на кухню, как вдруг из комнаты сестры услышала какие-то непонятные звуки. Сестры в это время не должно было быть дома. Открыв дверь, увидела ее на кровати, она хрипела, в полутемной комнате трудно было что-то разобрать. Подойдя ближе, я увидела пену на губах сестры, подумала, что она заболела, потому что когда у меня болела голова, болела и у нее. Если знобило меня, знобило и ее и наоборот. Попыталась приподнять ей голову, но сил подняться у нее уже не было, будто ей позвоночник удалили. Я поняла, что случилось что-то ужасное, выбежав во двор, стала кричать, как сумасшедшая...

Сестру положили посреди комнаты, женщины вокруг причитали. Соседи, почти все родственники. На лице сестры запечатлелась мука, будто и на том свете ее что-то мучило. В глазах матери застыла отрешенность, повязав голову черным, она сидела среди женщин, одноклассники держали меня за руки. У меня не было сил плакать. После этого ровно через две недели в той же комнате повесилась мама...

Выдержав долгую паузу, Аиша сказала: - Я рада была маминой смерти. И, может, другого человека, который любил бы маму свою, как я, ты и не встретишь, - повторила она свои слова, сказанные раньше. Слышать такое для меня было ужасно.

В тот день, чтобы развеселить Аишу, я рассказал немного о селе, немного о Рамизе, побродив по улицам, я проводил ее домой и уже поздно ночью вернулся в общежитие. Ночь была беспокойной. В комнаты студенческого общежития с улицы вливался шум машин, а студенческий гомон, наоборот, лился из окон наружу. И в этом шуме я уснул. Долго сначала не мог заснуть. Наконец, вместе с ночью, похожей на черного-пречерного дива, я погрузился в сон. И Черный див, посадив меня на спину, понес по миру в лабиринтах.

12. Аиша.

Аишу я нашел и увидел в Новогодний вечер... Вернее, она меня нашла. Свел нас тот, кто так изменчив и непредсказуем, тот, кто судьбой управляет. Пропади они пропадом, все яблони на земле. Все из-за них. Вообще-то ее давным-давно должны были дивы унести, но, случается, и дивы неверны и трусливы. Я знаю это из собственного опыта.

В Новогодний вечер в зале студенческого общежития была дискотека, дым стоял коромыслом. Я только-только приходил в себя. Скука, как бродячая собака, давно отошла от меня прочь, где-то ошивалась. И сейчас внутри у меня была пустота. Оказывается, скучать - это неплохо, хорошо. Когда ты скучаешь, то, по крайней мере, что-то вспоминаешь, живешь в атмосфере своих воспоминаний. Человек жив воспоминаниями. Сердце и ум его хранят воспоминания в своей памяти. Человек без памяти – все равно что цветок без аромата. А как же. Когда человек не у дел, то есть когда оставляет его Волшебство Вдохновения, он погружается в подобные философские рассуждения. Должен сказать, что на дискотеку меня привели силой. Что было делать на дискотеке парню, стеснявшемуся танцевать даже на сельских свадьбах. И все-таки я туда пошел, и, немного попрыгав там, вышел во двор общежития, где присел на каменную ограду. Казалось, в тот вечер Дед Мороз умчался куда-то на своих запряженных лошадьми санях, оставив после себя холодное дыхание. Мне вспомнилось село, наши свадьбы. Студенты, веселящиеся на дискотеке, влюбленные, в обнимку сидящие под укутанными в белый снег деревьями, почему-то показались мне слишком беспечными. В тот миг я почувствовал себя одиноким и нелепым. Мне показалось, что ни эта ночь, ни луна, ни звезды, ни это огромное общежитие не имеют ко мне никакого отношения. Я – неопытный путник, скиталец. Куда иду и зачем, я не знаю. Думая же о неясном будущем своем, я готов был почти бежать, прихватив пожитки. Но куда? К бабке своей в лоскутной юбке из двенадцати полос или к деду с усами торчком, связывавшими со мной большие надежды? Все эти мысли были никчемны и пусты. Так же, как пусты потуги ветра, мечущегося по двору, бьющегося по углам в надежде вырваться отсюда. Куда ни кинется, он вынужден возвращаться всякий раз обратно.

Эти мысли вдруг оставили меня, потому что рядом я почувствовал чье-то белоснежное дыхание. Сначала я увидел пар изо рта, потом губы и, наконец, нос и глаза. Надо мной стояла девушка, на лицо ее падал свет, и я разглядел даже родинку на лице. На плечи ее была накинута коричневая кожаная куртка. Рукава и подол ее были оторочены каракулем. Конечно, я знал ее. Она училась в параллельной группе, но на лекциях мы могли друг друга видеть. А я на лекциях даже по сторонам не смотрел, все чего-то стеснялся.

- Вы – азери? – спросила она.

Я удивился: - Азери, - ответил я.

- И я тоже. Вы не видели меня? – спросила она с каким-то странным выговором.

- Нет, - не знаю, почему я так ответил.

Она же сказала: - Я сижу у окна.

- Наверное, свет глаза слепит, потому и не заметил, - опять соврал я.

- А почему вы не танцуете? – спросила она.

Я пожал плечами.

- Вам это не идет.

- Что? – не понял я.

- Замкнутость. Вам больше радость к лицу, - сказала она и улыбнулась.

На дискотеке объявили белый танец.

- Пойдем, - сказала она и потянула меня в сторону дискотеки, будто была знакома со мной сто лет.

Я же растерялся от такого теплого, приветливого отношения. Где мог я видеть такое, в селе нет дискотек, а в Баку, где провел я несколько дней, за слово, брошенное девушке, самое меньшее, обложат тебя семиэтажным ругательством, а самое большее - вспорют живот. Может, обрадовало меня такое ее отношение, улыбка на лице ее, предназначенные мне одному, что бы там ни было, сердце мое наполнилось светом, теплом, любовью и, неведомо для себя самого, внутри у меня произошла какая-то революционная перемена. Да, именно революционная. Возможно, я преувеличиваю, но я волен сам определять свое настроение. Потом, гораздо позднее, мне пришлось пережить и боль и до самой могилы носить ее в себе.

Звучала песня Аллы Пугачевой «Миллион алых роз». Уже потом я узнал, что песня эта посвящена была известному художнику с горькой судьбой Пиросмани. Живший под лестницей двухэтажного дома в Тифлисе Пиросмани влюбляется в французскую певицу, приехавшую на гастроли. Продает арбу и бидоны, в которых развозил молоко, зарабатывая на хлеб, на все деньги покупает цветы и относит их певице. Однако судьба смеется краешком губ, вернее, усмехается, а, может, издевается, Пиросмани одинокую жизнь свою приносит в жертву французской даме. Кажется, однажды эта дама пришла в его «дом». Романтики же говорят, что он был «счастлив» с ней три месяца. Я не знал этой грустной истории и посреди Москвы подпевал своей судьбе, строил игры ей под стать.

От стеснения своего, из-за неумения танцевать, я неуклюже обнял ее за талию. Будто лодырь, что лишь держится за ношу, не прилагая никаких усилий. Запах духов «Быть может», мешаясь с ее собственным запахом, будил во мне странные чувства. И, независимо от меня, мой нос в искушении тянулся к ее лицу и шее, чем-то насладиться, ощутить. (*«Ах, этот смутный объект желания»* - Л. Бюньюзель). Я не знал вкуса этого блюда, разве что во сне мог его представить. Вероятно, для достижения этой цели, этой мечты, следовало проделать долгий путь. Впервые я переживал необычные чувства. И чувства эти каждой мышцей своей воспринимал, как счастье. Несмотря на все это, по причине своей стеснительности, я хотел скорейшего окончания танца и не разговаривал. Она это чувствовала и старалась руководить мною.

- Говори же, - сказала она.
- О чем? – спросил я.
- О чем-нибудь. Ты никогда не видел девушек?

Я пожал плечами.

Она засмеялась. – Ничего, научишься.

Когда Аиша смеется, теряется контур ее губ, и она становится еще привлекательнее. В ту ночь после дискотеки я проводил ее до дома. Как назло, вернулся Дед Мороз и принес с собою после 12 ночи 32-градусный мороз. Я в первый раз провожал девушку. Совсем размяк, улыбался, рот растягивался до ушей и, если б выдержали мышцы, в таком положении он и оставался бы. Наверное, потому и простыл, хотя благодаря Рамизу, кое-как выкарабкался. Всыпав в 100 граммов водки черного перца, он заставил меня это выпить. Потом я лежал в горячей ванне, выгоняя из себя холод, что вдохнул в меня Дед Мороз.

Несколько дней я не ходил на занятия и, можно сказать, все это время думал об Аише. Прожил их, вздыхая по ее взгляду, большим миндалевидным глазам. Аромат ее стоял у меня в носу и даже наутро после умывания не исчез, впитавшись, как оказалось, еще и в рубашку. Наверное, до самой смерти я буду чувствовать этот запах, и этот же аромат понадобится мне и после смерти, чтобы вновь воскреснуть.

13. Три минуты двадцать семь секунд.

Через два дня, еще окончательно не выздоровев, в надежде увидеть Аишу, я пошел на занятия. Я не шел, а летел. Хотелось говорить всем приятные слова, всех обнимать и

целовать. Я влюбился всего за несколько секунд. А если приплюсовать еще и танец – несколько минут и несколько секунд.

- Вы азери?
- Азери
- И я... Разве вы меня не видели?
- Нет...
- Я сижу у окна.
- Наверное, свет слепит глаза, потому и не видел.
- А почему вы не танцуете?
- ...
- Вам это не идет.
- Что?
- Замкнутость. Вам веселье больше к лицу.
- ...
- Идем, идем, потанцуем...

Стоп. На этом наш диалог завершился. Может, он и не интересен. Но что поделывать, я таков. Вернее, такова судьба моя. И судьбу эту я с удовольствием готов подарить вам.

Значит, диалог длился 22 секунды, плюс 5 секунд на удивление и улыбки, и примерно – три минуты танца = 3 минуты 27 секунд. Хотите, можете засечь по своим часам.

В течение двух дней я раз за разом прокручивал в памяти этот наш диалог с Аишой. Мозг – оператор, уши звуковое устройство, сердце – режиссер. В главных ролях - я и Аиша, в эпизодических ролях выступала аудитория, все происходило в Новогодний вечер... Всего два дня – и я совершенно другой человек. Меня теперь было не узнать. Внешне я мог оставаться таким, как и прежде, но внутренне – это был уже не я, полностью изменился. Голос заматерел, мысли стали мудрыми. Метаморфозы продолжались.

В эти два дня я думал о войне, не хотел понимать антагонистических противоречий капитализма и социализма, проклинал тех, кто развязал войну. Странно, но сейчас я очень даже понимал Ахлимана, с которым каждый день дрался в селе. Решил, вернувшись а село, попросить у всех прощения за все плохое, что я когда-то сотворил, в таком настроении я вошел в аудиторию. Она смотрела в окно. Аиша была красива. Солнечный свет освещал гладкую белую кожу ее шеи, черные волосы отливали серебром. Очки придавали ее особую привлекательность. Никому во всем мире не идут очки так, как шли ее. Я сказал об этом, не думая, от души, и, причем чуть ли не во всеуслышание. Наконец, Аиша повернула свою нежную шейку и посмотрела в мою сторону, засмеялась большими томными глазами и помахала мне ручкой. Простуда моя давно уже улетучилась – убралась к плохим и не любящим людям. Одним глазом я следил за преподавателем, другим - за ней. Мне казалось, что она изредка поглядывает на меня и улыбается.

На перемене все спустились в буфет. Намеренно, а, может, случайно, но в очереди мы стояли друг за другом. Взяли с ней каждому по коржику и кофе. «Каждому», потому что отныне мы были единым целым, были одной душой. Во всяком случае, я так думал. Потому и хотел заплатить за нас обоих. Она не позволила, сказала, что в состоянии заплатить за себя сама. Или что-то в этом роде.

В тот день после уроков я собирался проводить ее. Но она не разрешила. – Я пойду одна, - сказала она.

Я был полностью растерян. Аиша была не та, что два дня назад. Она изменилась. А я, глупец, предполагал, что любовь наша будет длиться до конца, до самой могилы. Да вы и сами видите, что у меня были основания так думать. Не она ли сама подошла ко мне, не сама ли пригласила меня танцевать? Не вместе ли мы подсчитывали время, эти

несколько минут и несколько секунд, хватившие на влюбленность. Но я не отступал. – Нам по дороге, - сказал я. - Мне нужно на почту. Почта рядом с общежитием, потому как причина роли особой не играла. Она не стала возражать. На метро доехали до станции «Академическая» и направились пешком к Торговому центру. Дом, в котором жила она, находился здесь. От волнения у меня перехватило в горле, прошло более, чем полчаса (включая метро), а мы не сказали друг другу ни слова. Вернее, молчал я. Она же говорила о Москве, а здешних людях, а я лишь кивал головой. Сознаюсь, в такой ситуации я был впервые и понятия не имел о рецептах путей выхода из нее.

Прошло три дня, и я открыл ей свое сердце. Все эти три дня я думал только о ней и постепенно начинал понимать – вот что за штука, оказывается, ее величество любовь. И мысль о том, что «не человек любит женщину, любовь сама его находит», мудрее мудрости самой. Я все перебирал события, произошедшие с новогодней ночи до трех дней тому назад, и уверил себя в том, что Аиша ко мне не безразлична. Всякий, от ребенка до старика, вправе осудить меня за то, что я так быстро влюбился. Но это не моя вина. Просто до того ни от одной девушки не видел я такого приветливого отношения. Вот почему наутро я написал Аише письмо и признался в том, что влюблен в нее. До самого конца занятий я ни разу не осмелился посмотреть в ее сторону. И опять мы в одно и то же время вышли с занятий. Я ждал ее, стоя перед универсамом. Расхаживал, заложив в карманы руки. Наверное, со стороны я был похож на глупого, довольного собою орла. Жаль, что невозможно было взглянуть на себя со стороны. Тогда бы я смог подробнее рассказать, как выглядел.

Она улыбалась. И я понял, что своим письмом в два предложения попал точно в цель, разгорячился, любовь моя бурлила, била фонтаном. Однако она не остановилась, прошла мимо и как маршрутное такси, войдя в свою колею, последовала далее по проторенному пути. А я последовал за ней, как пассажир, догоняющий свой автобус. Пройдя немного, она остановилась.

- Вы всегда бываете таким, да? («вот как, уже на «вы», до вчерашнего дня мы были на «ты»)

- Что? - в недоумении спросил я.

- Влюбляетесь.

- Нет, в первый раз, - сказал я и покраснел.

- Видите ли (опять «вы»), я не знаю, что такое любовь.

Я об этом говорил вам в самом начале и потому не хочу повторяться.

- А как быть мне? Ведь я никак не могу без тебя. («Без тебя».)

Она немного подумала. Помяла пальцами уголок платка, повязанного на шее, посмотрев на меня, пожала плечами, мол, откуда мне знать.

Никто ничего не знал. И в этом плане винить было некого. Я обманывал сам себя, причем добровольно. В селе у нас достаточно было поговорить с девушкой наедине, чтобы утром получить согласие на свадьбу. Но здесь не село. Это столица огромной страны. И если кто-то думает, что он растет, взрослеет постепенно, изо дня в день, из года в год, то ошибается, и двойка ему за это жирная. Человек может повзрослеть вдруг в один день, даже в один миг. В этом смысле, я за эти несколько дней повзрослел, и мир уже не казался мне обыденной действительностью, где чередуются день и ночь. Лукавец-черт крутит мир вокруг пальца своего, а я болтаюсь там внутри. И Аиша вертится там же, чувствуя в этом свою какую-то вину, в чем она призналась мне много позже. Потому на следующий день, когда я понуро влачился домой, как араб, у которого сдох верблюд,

или как купец, корабли которого затонули, она вдруг выросла рядом со мною. От радости сердце мое, казалось, рухнуло вниз, к пупку.

- Ты парень хороший, - сказала она. - Давай будем друзьями.

- Нет, друзьями не хочу, - сказал я. Сказал и тут же пожалел. И мы стали дружить.

Наутро наступил первый день нашей дружбы, и все развивалось так, как хотелось мне, а не судьбе. Я вел свой счет, а судьба – свой. Как придворные, затаившие коварство стояла судьба у Торгового центра и считала - ровно до следующего Нового года. На перемене мы спустились в буфет, сели за столик в углу и даже не разговаривали, старались пить кофе беззвучно, не прихлебывая. Закончив, она какое-то время смотрела на меня:

- Ты странный парень, - сказала она, - молчишь, не разговариваешь, до сих пор тебя ничему не научили? Она повторила мне все, что говорила в Новогодний вечер. На этот раз я не мог лишь пожать плечами в ответ. Это было невозможно, настало время действий. Вода течет, время идет, а мне чего оставаться на месте. Как я уже говорил, я повзрослел за одну неделю, вырос и находился в водовороте необычных чувств.

- Научили, - ответил я, - многому.

- Например?

- Вот ты, скажем, можешь доить коров?

Услышав эти слова, она расхохоталась, и сидящие вокруг оглянулись на нее. Я тоже смеялся вместе с нею

- Господи, ну какой же ты чудной, - сказала она. Потом пошла на следующий урок, покачивая кожаной сумочкой в руках. Как же красиво она шла!

В тот день после занятий Аиша предложила мне погулять по городу, посмотреть места, которых мы еще не видели. Я молча, сердцем горд, отправился за нею. Она шла впереди, иногда тянула меня за рукав пальто, чтобы я не отставал. Если честно, это доставляло мне удовольствие. Я был доволен, шел, как не смеющий возразить, послушный маме малыш, живущий ее заботами. Смотрел на нее сзади, на гибкий, тонкий стан, на черные волосы, лежащие на кожаном воротнике пальто. Тоненькая шейка в закатных солнечных лучах казалась еще тоньше, узенькой рукой в розовой кожаной перчатке она держала, раскачивая, сумочку. Над головами у нас раскачивались электрические и троллейбусные линии, переплетаясь, как паучья сеть, готовая все поглотить - и машин, и людей. Зажигались, мигая, ночные фонари, трамвайные линии безжалостно перерезали друг друга.

- Может, на трамвай сядем, - предложила она, - в жизни на трамвае не ездила.

- Давай, - сразу же согласился я.

Сев на трамвай, мы проехали одну остановку. Так просто, забавы ради. Потом, возвращаясь, зашли в кафе на Арбате, слегка перекусили. И опять гуляли, вышли на какую-то незнакомую нам площадь, откуда возвращались уже на автобусе. Зимой так рано вечереет, я впервые в жизни разозлился на то, что день так короток, и вдруг понял, что очень не люблю зиму. Во всяком случае, в то время мне так казалось, да и сейчас, пожалуй, добровольно я от этой мысли не откажусь. На метро мы доехали до станции «Академическая», и я проводил Аишу до дома.

Вечером с Рамизом мы купили пива, выпили. Мне казалось, что что-то очень важное, может, даже часть моего тела, осталось там, в квартире Аиши, в которой я никогда не был, или возле Торгового центра, и теперь слоняется там, на холоде, под непрекращающимся снегом. Об учебе я позабыл, забросил ее. Открою книгу – Аиша внутри, закрою – на обложке. Мое такое состояние Рамизу не понять. Ему все нипочем. Любить – это не главное, вторичное, главное - чувствовать. Рамиз, если даже полюбит, все равно останется непробиваем. И потому не раз страдал из-за своей бесчувственности.

Чтобы разочек поцеловать Иру, он часами разглагольствовал, изливал душу, а я в ожидании, пока он осуществит свою мечту, выкуривал в коридоре чуть ли не по пачке сигарет «Ява». Мне казалось, не то что Рамиз, но и Межднун не любил, как я. Любовь - это нечто иное и если бы дали мне аудиторию, я бы развернулся, без усталости, часами объясняя, что это такое. Вероятно, люди стали бы свидетелями явления миру нового Уитмена. Афродита теперь была моей любимой богиней.

Я вышел в коридор. Даша снова сидела на ступеньках. Увидев меня, выразительно посмотрела прямо в глаза. Словно ей было недостаточно видеть меня, и она хотела заглянуть в самую глубину моих зрачков. Мне показалось, она хочет проникнуть в глубину моего сердца, разгадать чувства мои. Испугавшись за свои тайны, я отвел глаза.

- Можно у тебя сигаретку стрелнуть? – спросила она. И я, естественно, с готовностью и с большой радостью дал ей закурить. Она опять многозначительно посмотрела на меня. Почему-то у меня не было к ней никакого интереса. Сучка-Даша не могла быть достойна и капли моей любви.

14. Лох – символ любви.

Через два дня мы снова оказались на лекции вместе. Мы учились в разных группах и, естественно, я не мог видеть ее, когда хотелось. Расписание занятий наших полностью никогда не совпадало. Когда по утрам я бегал на физкультуре, она была на истории или на семинаре по журналистике. И я подумывал о том, чтобы перейти в группу Аиши.

А по литературе древнего мира мы проходили Эхила. Наш профессор из Ивановки очень живо и страстно рассказывал о греческой литературе. Я будто немое кино смотрел. Мысли мои были рядом с Аишой. В этот день нам не удалось побыть вместе на перемене. Переписав конспект в тетрадь, я пошел на почту и получил пришедшую мне посылку.

На следующий день мы снова были вместе, обедали на перемене. Я достал принесенную для Аиши ийду*, присланную мне накануне.

- Я принес тебе ийду

- Мне? – удивилась она, улыбнулась, появившиеся на щеках ямочки расправили мышцы лица. – Спасибо, - поблагодарила она и, очистив кожицу, положила финик в рот. – Знаешь, что означает ийда? – спросила она.

- Знаю!

- Что?

Я пожал плечами.

- Символ любви, ответила она за меня.

Аиша не жила в общежитии. Ни с кем не общалась. Порою мне казалось, что она всего лишь тень. Чья-то тень. Отец Аиши снял для нее отдельную квартиру, и она жила на первом этаже пятиэтажного дома возле Торгового центра. Там же был маленький уютный дворик. В тот день, после занятий, Аиша привела меня к себе. Мы вошли со двора, через деревянную дверь. Не потому, что боялись, что нас могут увидеть. Просто так было удобнее, и чем-то напоминало мне сельские дома.

Странно. Комната благоухала яблоками, везде на стенах, в альбомах были картины и снимки яблонь, яблоневого цветения весной.

- Правда, яблони похожи на людей? – спросила она.

* ийда – плод лохового дерева

Я промолчал. Но она так смотрела на меня, будто я непременно должен был ответить.

- Возможно, – согласился я.
- Потому что яблони весной одеты как невесты, - сказала она.
- Другие деревья тоже цветут, - сказал я.
- Яблони цветут по-другому.

Спорить я не стал, потому что Аиша сказала это с таким нажимом и убежденностью, что я вынужден был смолчать.

Вместе мы послушали песню «Вдоль деревьев тутовых». Кажется, пела Нилуфер. Глаза Аиши были мокры от слез, и у нее не было желания вытирать их.

- Почему никто не сложит песню о яблоне?
- Почему же, есть. «Белое яблоко Кубы».
- Не о яблоках, а о яблоне, - сказала Аиша и так посмотрела на меня, будто от меня сейчас зависело, сложат или нет песню о яблонях.

- Ты напишешь, ладно?

Я кивнул головой.

Мы пожарили и съели яичницу, и я пообещал ей принести кассету Барыша Манчо.

С первых дней нашего знакомства я понял, что литературу Аиша не особенно любит, однако на этот предмет у нее был свой собственный взгляд, и это меня привлекало. Я понимал, что читает она порою больше по привычке или, так сказать, в угоду моде. Мне казалось, что, читая книги, она попросту убивает время. На те годы приходился книжный бум. Мы с большим интересом, по очереди, читали книги Ивана Бунина, Михаила Булгакова, Чингиза Айтматова, привозимые из Баку произведения Анара, Эльчина.

Мы с Аишой были единым телом, поделенным на две части. Мне даже казалось, что родинка на щеке Аиши перешла ко мне и порою, вглядываясь в зеркало и не находя ее там, я удивлялся, и готовясь вечером ко сну, мне думалось, что этой ночью она появится и на моем лице.

На Новруз-байрам Аиша уехала в Ашхабад и ровно неделю не появлялась на занятиях. Какие чувства я пережил за это время, представить и передать очень трудно. Хотя бы уже потому, что писать с легкостью о чувствах, возникших вдруг, из ниоткуда, и к тому же более, чем через десяток с лишним лет, непросто. Но написать о них я должен, потому что нужно написать и если я этого не сделаю, сколько бы не длилась жизнь моя, я буду переживать эти чувства вновь и вновь, а, написав о них, я надеюсь успокоиться.

В ту неделю, что не было Аиши, я написал домой письмо. Сообщил домашним, деревьям во дворе, стельной корове в хлеву, друзьям, что скучаю, и попросил в связи с холодами связать мне теплый жакет. Письмо было одним из средств не думать об Аише. Я с утра до вечера смотрел телевизор, растворялся в атмосфере сериала «Королек – птичка певчая».

Наконец, через неделю Аиша появилась в аудитории. Мне показалось, что она стала бодрее и еще краше. Я подбежал к ней. Взяв за белые нежные руки, закружил ее, как ребенок.

Квартира Аиши была недалеко от общежития, и мы каждый день вместе ходили на занятия и обратно. В Москве не оставалось уже ни одного театра, ни одного спектакля, который бы мы с Аишой не посмотрели. После концерта Мирей Матье я отчего-то вдруг заявил, что Аиша очень на нее похожа.

- Правда? – удивилась она и улыбнулась. Странно, но теперь для меня все красивые девушки были похожи на Аишу. Я всегда находил что-то общее с ней, то походка была такую же, то фигура или платье напоминали мне Аишу.

Учебный год так и закончился любовными нотами. Аиша уехала в Ашхабад, а я остался в Москве, устроился на овощную базу. Аиша просила не писать ей и не звонить, и я выполнил ее просьбу. Но думал о ней каждую ночь. За девочками, как другие ребята, не бегал. В этом смысле, вероятно, мои сексуальные импульсы еще не были развиты. К тому же, видимо, подсознательно я воспринимал это, как предательство по отношению к Аише. Ходил в кино, писал письма домой, бродил по городским улицам, покупал на базаре цветы и дарил их встречным девушкам. Мне казалось, что от этих цветов и Аише перепадает свой пай. Наконец, прошло два томительных месяца, и снова начались занятия. Больше всех началу учебного года радовался я. Осень медленно наступала на Москву, но в сердце моем все еще была весна. Потому что яблони цветут весной. Это внушила мне Аиша...

15. Первый поцелуй.

В ту осень мы отправились в Бородино собирать картошку, и там я впервые поцеловал Аишу. Первое, что я увидел в Бородино – бескрайние леса и поля. Деревья, постепенно раздеваясь, оголялись, как девушки в варьете. Меня же радовал и полнил грудь не воздух здешних мест, а любовь.

Жили мы в помещении, некогда бывшем солдатской казармой. А может, раньше это было вовсе не казармой, а тюрьмой. Но, тем не менее, все у нас было общим. И спальня, и туалет, и столовая. Едва появлялась возможность, мы с Аишой убегали в лес, гуляли по опавшей листве, рассказывали друг другу о себе, о своем детстве. Аиша о детстве своем говорила мало, будто ничего в нем интересного не было. Ей казалось, что детство у нее украли. Во всяком случае, невозможно было не почувствовать, что Аиша мне завидует.

- У тебя было прекрасное детство. Я чувствую. Прекрасное и беззаботное детство, - говорила Аиша и с завистью смотрела мне в лицо.

На самом же деле все было не так. Просто я предпочитал хранить в памяти самые приятные воспоминания.

В тот день, то есть в день, когда я впервые поцеловал Аишу, мы забрели в самую глубь леса. Уходя в глубь, я оттягивал время, готовя себя к очень важному ритуалу. Наверное, и она ждала этого.

- Днем лес так привлекателен, а по ночам здесь должно быть ужасно страшно, - сказала Аиша и посмотрела на меня. Я согласился с нею. Сейчас, что бы она ни сказала, я все бы подтвердил, потому что просто не слышал того, что она говорила. Лицо у меня покраснело и пылало, как у человека, сотворившего что-то постыдное. Я шел следом за Аишой, с трудом различая ее силуэт. Потому что в глазах у меня потемнело и казалось, что пересохло в горле. Мне хотелось дотронуться до ее белого тела, гладить его и черные волосы ее, целовать маленькие, размером с «дыньки-шамама», грудки. И признаюсь, в воображении своем прокрутил эти мечтания несколько, как киноленту. Я чувствовал, как напряглись мои мышцы пониже пупка. Я часто сглатывал слюну, был возбужден. Хотя, может быть, думать об этом и, тем более, рассказывать вам все это и не следовало бы. Я чувствую кое-чьи укоризненные взгляды. Однако не признаваться в помыслах своих, в лучшем случае – признак неискренности, в худшем – лживости. Мои же откровения сейчас в лучшем случае – это показатель искренности, а в худшем – наивности. Однако, я бы хотел, чтобы вы видели во мне человека, в котором поровну перемешаны эти два качества. Во всяком случае, когда я думал о других, даже о Даше, я никогда так не возбуждался, а, представляя себе ее, думал о ней и в думах моих никак не мог совладать с охватывающими меня чувствами. Просто не получалось. Понимаете, что я хочу сказать?

Сейчас она была совсем близко. Взяв за руку, я могу притянуть ее к себе и поцеловать. В мозгу моем продолжали прокручиваться видения. Я мог быть только оператором, но чтобы стать актером, сыграть свою роль, у меня не хватало таланта. В этих ситуациях девушки более чутки. Достаточно лишь раз взглянуть им в лицо особи противоположного пола, и они знают, о чем он думает. Наверное, поэтому Аиша не смотрела на меня, шла, сбивая палкой листья с кустарников, бороня ее землю. Нет ничего глупее тишины. Тишина всегда меня пугает, поэтому я чуть было не начал свистеть. Но стеснялся, боялся разоблачения своих наглых желаний. Иногда мне казалось, что Аиша понимает и слышит, о чем я думаю.

Впереди было небольшое озеро, Аиша присела на поваленное дерево. Я остановился поодаль.

- Почему ты там встал? - спросила она, - иди сюда.

Я подошел, сел рядом. Она положила руку мне на колено, потом опустила голову мне на плечо. Запах духов Аиши ударил мне в нос, и я, собравшись, поцеловал ее, Сначала в щеку, потом в родинку и, наконец, в губы. Мне показалось, что лицо Аиши полыхает огнем. Впервые всем своим существом я был во власти женщины. Любовь поглотила меня, как сгусток небесной энергии. Правой рукой я обнимал ее за талию, левую со страхом опустил на грудь, чувствуя набухший под платьем сосок. Какое-то время мы так и сидели. Как мучимый жаждой путник, прижавшись губами к бьющему из-под земли роднику, я никак не мог напиться. Но мне хотелось еще чего-то. Поэтому я поднялся и прижал Аишу к себе. Мне показалось, что хрустнули ребра ее. Потом тишину нарушил треск. Мы оба, вздрогнув, синхронно, разом, снова сели на бревно. Беспokoйство было напрасным, потому что никого в округе не было, и зашуршал, видимо, заяц или белка. Во всяком случае, на ум мне пришло лишь такое объяснение. И неожиданно мы оба и вновь синхронно засмеялись.

- Ты кого-нибудь целовал до этого? – спросила Аиша на обратном пути.

- Если верить Балоглану, то да, - сказал я и по настоянию Аиши рассказал случай, произошедший в седьмом классе. О том, как понарошку пустили слух, будто я поцеловал какую-то девочку. Что называется, прослыл на пустом месте Дон Жуаном. Каково ведь, среди бела дня, в советской школе, никому ни слова не говоря, поцеловать девочку. Виданное ли дело? И я рассказал Аише все как есть, естественно, немного приукрасив. Когда закончил, Аиша сказала: - Ты говоришь, как писатель. Мы еще долго гуляли, держась за руки. Потом, глядя мне в глаза, Аиша спросила: - Ты, правда, никого не целовал?

- Никого, - ответил я и, затянувшись сигаретой «Ява», выпустил клуб дыма. Завитки дыма, тая, мешались с воздухом, унося весть о том, что я целовал Аишу, далеко-далеко, в наше село. Теперь я уже ничего не боялся. Я получил титул рыцаря. Душа моя парила в небесах. И вправду, душа моя гикала и кувыркалась в небесах. Я видел, у нее были белые нежные крылья и, не боясь упасть на землю, нисколько не робея, она тыкалась в облака. Две черные птицы летели в синь небесной глубины, и небо с удовольствием растворяло их в своей плоти.

- У неба есть притягательная сила? – спросил я у Аиши.

- Не знаю, - пожала она плечами, а потом добавила, – наверное, есть. Потому что души людей после их смерти поглощает небо. После смерти люди во что-нибудь превращаются. Ты, например, в кого бы хотел обратиться.

- В рыбу.

- Почему в рыбу?

- Потому что рыб люблю больше всего. Даже во сне их вижу. А ты кем хочешь стать?

- Морем хочу стать, - сказала она и засмеялась. – Из-за тебя, потому что задохнешься ты без моря.

Ближе к вечеру мы вернулись в лагерь. В дальнем краю лагеря ребята жгли жухлые листья. Аиша, зажав нос, побежала к домику.

Еще одним запоминающимся событием в Бородино был день рождения Аиши, 17 октября. Чего только не появилось на свет из-под кроватей и подушек в бедной студенческой казарме. Больше всего мне запомнился сигаретный дым в этой огромной, похожей на казарму комнате, шум и гомон ребят и головная боль от вина.

16. Правило без правил.

Ведь бывает же. Случается вдруг нечто, совершенно неожиданное, то, чего ты и предположить не мог, и твоя жизнь круто меняется. Такова жизнь. Это тебе не просто уворовать что-то в соседском саду или поменять очередь на выпас скота. Та неожиданность была совсем иного рода, она открывала дорогу к играм без правил. Вместо того, чтобы шагать по жизни обутым, я должен был идти босиком. То, о чем я никогда не думал, являлось мне сюрпризом судьбы. Вот как сейчас. Это было так же неожиданно, как если бы вдруг разбился иллюминатор самолета, и ты стал бы кувыркаться в воздухе.

- Верно, говорю? – спрашиваю я у соседа. Надоел бедняге, чуть что, суюсь к нему.

С Аишой мы расставались лишь по ночам, когда спали. Все остальное время, можно сказать, проводили вместе. Запоем читали Айтматова, Булгакова, Пастернака, перестроечное время дало завал литературы, ходили на все новые спектакли. Можно сказать, что все дни наши проводили в театрах и за чтением книг. Мы были первыми ласточками перестройки. Создавались студенческие советы, кто-то бастовал, кто-то организовывал в университете собрания, кто-то выбирал декана. Нам же до всего этого не было никакого дела. Мы были заняты совсем другим, и то, что творилось вокруг, нас не касалось. В Москве не осталось театра, музея, где бы мы не побывали. Я только начинал писать рассказы, и первый свой рассказ прочел Аише. Сначала, правда, я делать этого не хотел. Наверное, стеснялся. Но я понимал, что если не прочитаю рассказа Аише, вообще его больше никогда читать не стану. В однокомнатной квартире Аиши я сидел на полу, прислонившись к дивану. Аиша - на диване. Я не видел ее лица. Если б видел, наверняка, не смог бы читать. Прочистив горло, я начал.

17. Осенний трамвай.

- Ну, - сказал я, - приступаю. – И понесся...

«Прислонившись лбом к трамвайному окну, он смотрел на улицу. Он не видел ни туч, ни Аллаха, потому что между ним и небом был потолок трамвая. Он смотрел в окно на то, как осенний ветер гонит красно-желтые листья. Листья с ветром будто в кошки-мышки играли. Забавляются, один бежит, другой догоняет. Порой от одного неуклюжего движения ветра листья разлетаются в разные стороны. Скоро пойдет снег. Ему нравится с хрустом ступать по белому снегу. Подумал, что все меняется, лишь этот трамвай остается неизменным и, пожалуй, он сам. Он - дитя трамвая. Вначале был станционным ребенком. Странно, снаружи будто бы осень, а внутри - весна. На остановках двери открывались, впуская вовнутрь порцию холодного воздуха. Тогда он чувствовал осень всем своим существом. Ему было приятно ехать в трамвае, когда идет снег, потому что в свете уличного освещения снег поблескивает. Вспоминаются сказки. Он вспоминает дом. Думает об отце с матерью, о школьных товарищах. Но при чем тут снег? Разве идет снег в их селе? Наверное, поэтому он всегда мечтал о снеге. Вдруг он увидел ее. Взгляд, как

холодные снежинки, застыл на ее лице. Вдруг он очнулся. Нашел то, что мучительно вспоминал.

- Она, ну, ей-Богу, она, - вскочив, он кинулся к дверям, стал стучать, Все с удивлением обернулись на него. – Не верите, это она?!

На следующей остановке двери открылись и, спрыгнув на землю, он помчался к девушке. Девушка стояла на месте, застыв, как памятник. Она даже в его сторону не смотрела. Тяжело дыша, он остановился перед ней.

- Наконец-то, нашел, - сказал он.

- Что? – удивилась девушка

- Не понимает! - парень засмеялся. - Тебя, тебя я нашел!

- Дурак, - сказала девушка.

- Вон и щенок, ты потеряла, мы вместе искали его. Я тебя все время искал, видел во сне и, наконец, нашел. Ты мне предназначена.

Глаза у девушки были, как лед. Синие- пресиние глаза были холоднее осенней стужи.

- Дай мне руки, - сказал парень.

Девушка нерешительно протянула руки.

- Нет, нет,ними перчатки. Вот так. Ой, какие холодные у тебя руки! И глаза тоже. Очень холодно, - огляделся по сторонам - Холодно.

Девушка вдруг побежала и села в трамвай. А он, заложив руки в карманы, пошел, подыгрывая шаловливому осеннему ветру. Обернувшись к стоящим на остановке людям, сказал: - А вы чего здесь ждете? Трамвай? Он не придет...

Осенний ветер гнал листья. Золотые листья осени...»

Закончив чтение, какое-то время я не поднимал головы. Молчала и Аиша. Я, естественно, ждал ее отклика. Сейчас она была и первым критиком моим, и читателем. Но Аиша молчала. Подняв голову, я посмотрел ей в лицо. Из глаз Аиши текли слезы.

- Что случилось? – пошутил я. – Проза моя настолько сильна, что заставила тебя плакать?

Аиша улыбнулась, будто кто-то с трудом растянул ей губы, тыльной стороной ладоней утерла капли слез на щеках и сказала:

- Ты будешь писателем, и я бы хотела увидеть твои будущие успехи.

- Ты их увидишь, - заверил ее я, прижавшись головой к дивану.

Мы решили вместе встретить Новый год, и я с нетерпением стал ждать новогоднего вечера. Я думал о том, как мы будем танцевать с Аишей в ее маленькой уютной квартирке под музыку Попетти, и не мог уснуть. А занятия и дела шли своим чередом. Получив из дома денег, я обновил свой гардероб и никак не мог поверить в то, что человеку вдруг может привалить столько счастья. В подсознательных мыслях своих я был прав.

31 декабря я пошел на базар. Купил свои любимые хризантемы. Но цветы оказались побиты морозом, и стоило их внести в дом, как лепестки стали осыпаться. Пришлось выставить их наружу, чтобы продержаться хотя бы до вечера. Потом сидел и торопил день. Но напрасно. День двигался, как осторожно-неторопливый старик. Чтобы отвлечься, до обеда читал Андрея Платонова. После обеда спустился в подвал, заменяющий первый этаж, в прачечную. Выстирал одежду, там же, в машине высушил. Когда возвращался, уже стемнело. О том, что наступил вечер, говорили зажегшиеся на улицах фонари. Ребята с самого утра были навеселе. Сидя в коридоре, играли на гитаре, пели. Я вышел на улицу. С увядшими хризантемами пришел на остановку. Впервые я шел на серьезное свидание с Аишей. Пешком прошел до Торгового центра.

Еще издали заметил, что свет в ее окне не горит. Я подумал, что Аиша готовит мне сюрприз. Постучал в заднюю дверь. Никто не ответил. Долго ждал, пока хозяйка квартиры тетя Таня не сказала, что Аиша куда-то спешно ушла.

- А куда? – спросил я.

- Не знаю, может, на свидание с таким же чернявым, как ты, парнем, - ответила она и ехидно рассмеялась.

Если бы она так не смеялась, я бы не засомневался. А тут меня и вправду обьяло сомнение. Куда могла спешить Аиша? Меня душили ревность и подозрение, сжимали сердце. В горле будто что-то застряло. Я ждал Аишу до 12 ночи. На Ленинских горах засверкал салют. Мы должны были быть там вместе с Аишей. Кремлевские часы пробили 12 раз. Но она так и не пришла, и я ни с чем вернулся в общежитие. Там продолжалась дискотека. Даша, как обычно, сидела на ступеньках и дымила сигаретой. Цветы я подарил ей. Она даже не удивилась. Поднялся к себе, достал из маленького холодильника «Морозко» водку и колбасу. Приняв 100 граммов, позвал Дашу. Она как будто меня и ждала, и, как сговорчивая сука, поджав хвост, вошла в комнату.

- Почему тебя не было на дискотеке? – спросила она, - я искала тебя, не нашла.

Я молчал.

- Ага, понимаю, - продолжала она. – Что ж тут непонятного?

Выпив еще немного, я разговорился. Выкладывал философские соображения по поводу людей, их верности, то и дело делая Даше комплименты.

- Метаморфоза, - сказала Даша, - ты очень изменился.

От этих слов ее я пришел в себя. Даша и сама была пьяна. Взяв под руку, я отвел Дашу в ее комнату и закрыл за ней дверь. Ребята все еще были в коридоре. Из некоторых комнат доносились звуки интимных сцен. Но меня они не возбуждали.

В ту ночь я не спал до утра. Да и невозможно было уснуть. Поднявшись на верхний этаж к ребятам-азербайджанцам, посидел немного с ними. Сыграл в нарды, купленные на ВДНХ в дни культуры Азербайджана, но в голове все мешалось, я проиграл и вернулся к себе. Я словно отупел, и думалось мне, что по углам кто-то смеется надо мной, псы и суки за спиной злословят вслед. Казалось, все, кроме уличных фонарей, тихо-тихо отдается сну.

Как только рассвело, я отправился к Аише. Постучал в дверь, и снова никто не открыл. Аиша не приходила домой и в последующие дни, и я решил написать ей в Ашхабад, узнав адрес в деканате. Но позже почему-то оставил эту мысль. Может, она и не в Ашхабад уехала. Я терялся в сомнениях и путаных мыслях, но так ничего конкретного и не придумал.

Через неделю Аиша появилась на лекции. Мне показалось, что она очень изменилась, сникла. Она ушла с середины лекции и не вернулась. В тот день я не смог ее увидеть. На следующий день в столовой я встал рядом с ней в очередь. Она даже не взглянула в мою сторону. Я поздоровался, она нехотя ответила, прошла и села в углу.

Странно. Аиша избегала меня, и причина этого мне была не ясна. Ясно было лишь то, что я ревную, и злость порой затмевала мне рассудок. Я переживал двойственные чувства. С одной стороны – злость, с другой – жалость и любовь.

- Почему ты меня избегаешь? – спросил я.

- Я не избегаю тебя, - ответила она, - просто мне нужно время, чтобы подумать. Я в растерянности. Думаю, ты меня поймешь, и придет время, я все тебе расскажу. А пока ни ты, ни я к этому не готовы.

Аиша произнесла эти слова и горько улыбнулась. Мне показалось, что она смеется и надо мной, и над моей любовью.

- Знаешь, лучше забудь меня, - сказала Аиша и ушла.

Этого нельзя было оставлять просто так. Моя мужская гордость была задета. Что это за игры такие?! Я пошел следом, схватил ее за руку.

Аиша ждала этого. Остановилась, посмотрела прямо в глаза и сказала: - Лучше тебе не знать правды.

Я не хотел отставать. Но лицо Аиши было белым и холодным, как снег. Я стоял и смотрел ей вслед, ничего другого мне не оставалось.

Я совсем растерялся. Слово дом, в котором я бывал ежедневно, ежечасно, вдруг исчез, а на месте его - огромный провал, впадина, или по телефону, по которому ты звонил каждый день, отвечает другой человек, номер оказывается не тот. Нарушился ход мироздания. Миртовая гармония летела вверх тормашками. Я не рад был, что родился. Лучше бы остаться в селе пастухом или рабочим на железной дороге в Баку, Москва в моих глазах теперь была бессмысленным подземным городом. Дни, как осенняя морось, были скучны и тянулись, точно жевательная резинка. Чтобы заполнить чем-то это бессмысленное существование, я подружился Дашей. А еще и назло Аише. Между мной и Дашей не было никакой интимной связи. Странно, но я даже не почувствовал прихода весны. Просто каждый день проходил мимо дома Аиши. Остановившись поодаль, в стороне, смотрел на ее дом. Аиша никогда не выходила. Иногда появлялась на занятиях. Она совсем зачахла и, казалось, мстила за что-то самой себе. На Новруз-байрам она уехала домой, вернулась в Москву только через месяц. На нее страшно было смотреть. Первое, что пришло мне в голову, что Аиша серьезно больна. Но Аиша, как всегда, избегала меня, всех остальных, и сменила квартиру. Аиша больше не благоухала яблоневым ароматом...

18. Крым.

Этим летом я отправился в Крым набираться опыта газетной работы. Конечно, то, что я попал в Крым, можно считать случайностью. Смотря, с какой стороны подойти к вопросу. Если подойти логически, то в Крым я поехал добровольно. Целью моей было забыть Аишу и пожить полной романтики жизнью. Я остановился в рублевом номере гостиницы Симферопольского аэропорта, а на следующий день приехал на такси в редакцию газеты «Крымский комсомолец». Редакция располагалась на возвышенности, откуда открывался прекрасный вид на город. С первого дня я понял, что в выборе не ошибся. А это главное – сделать правильный выбор, остальные мелочи всегда можно исправить. Исполняющий обязанности редактора Михаил Пешков (все называли его Мишей) приезду моему вовсе не был рад. Тогда как я ждал, что встретят меня чуть не с оркестром. А как же? Как еще должна была встречать провинциальная газета студента-отличника Московского университета. Исполняющий обязанности главного редактора потому не рад был моему появлению, что для меня не предусмотрено было место проживания и теперь, как руководитель газеты – органа комсомольской организации, главной задачей его была забота о молодых кадрах. К тому же только-только началась Горбачевская перестройка, и в огромной стране, что ни шаг, проводились то митинги, то забастовки. Миша Пешков, немного подумав, попросил меня сегодня самому где-нибудь найти место, завтра же обещал все устроить. Недалеко от редакции находилась гостиница «Спортивная», и ночевать пришлось там. Вечером я спустился в буфет и, поужинав, лег спать. Перед тем сделал заметки в своем дневнике. Гостиница была полна молодых ребят. Они приехали для участия в каком-то мероприятии (кажется, в летней школьной спартакиаде). Среди них были и азербайджанцы. Только у меня не было охоты знакомиться с ними, потому что еще одной целью моей поездки в Крым было желание не встречаться ни с одним родным лицом. Совершенно чужая сторона, чужой странник и чужое сознание. Одним словом, романтика.

На следующий день редактор, держа слово, устроил меня в общежитие профессионального училища. Хоть и по сердцу мне было жить в студенческом

общежитии, но радость моя оказалась недолгой. Мне стало ясно, что большинство здешних ребят воры и наркоманы. Все мои вещи были в чемодане, взял же я самые лучшие, чтобы покрасоваться здесь. Я переночевал там кое-как одну ночь, а на следующий день сумел получить комнату в общежитии Симферопольского государственного университета. До того, чтобы отметить мой переезд на новое место, мы собрались в маленькой квартире Миши Пешкова. В тот вечер я здорово напился, влюбился в Лену, на которой собирался жениться Миша, и в тот же миг признался ей в любви. Как будто я купил билет на скорый поезд и боялся, что он пропадет, если я опоздаю... Но напрасно, поезд давно ушел, и любовь моя была приговорена. Правильно, нехорошее это дело – думать о будущей жене человека, сделавшего тебе добро, такое, что не пристало мусульманину, не правоверное это дело. И на этой ноте началась моя Крымская жизнь.

19. Мое открытие: «Секс – средство международного общения»

В новом городе главная задача - обзавестись знакомствами и посмотреть достопримечательности. Это путь к тому, чтобы не скучать. Характер мой давал мне возможность добиваться целей, которые ставил перед собой. Москва хорошо поработала надо мной, я не был уже ни хмурым, ни угрюмым, наоборот, улыбался с утра до вечера. Даже если у меня не было настроения, я скалил зубы силой инерции. В этом смысле, если бы я жил в Японии, меня бы вне конкурса взяли администратором в самые большие супермаркеты и банки.

Комната, которую мне дали, находилась на шестом этаже. До меня там жили девушки. Это подтверждали пустые флаконы от духов, высохшие помады, так что специальные расследования были излишни. Стены ломились от фотографий актеров «вестернов».

Студенческие общежития всюду одинаковы, друг от друга не отличаются. Если человека привезти с закрытыми глазами в общежитие другого города, ему и в голову не придет, что он находится в другом городе.

Сначала я чисто вымыл комнату, потом вымыл пол. Соломенное панно, подаренное китайским другом, повесил над головой. Я так толком и не понял, что на нем было изображено. Но иероглифы наверху несомненно привлекали взгляд и нравились мне своей экзотичностью. Радиоприемник и часы, также полученные в подарок, я поставил на стол. Потом вскипятил чайник, заварил себе чаю и выпил с привезенными из Москвы конфетами. Московские конфеты, как и везде в Союзе, здесь тоже были в почете. Я был рад тому, что в комнате больше никого не было, рад своему одиночеству. Мне и на ум не приходило, что когда-то я буду жить в студенческом общежитии в центре Крыма. В Крыму жил наш сельчанин. Женился, когда был в армии, там и остался. Иногда он вместе с семьей приезжал в село. Жена его была хохлушкой, поэтому и дочка у него была светловолосая и белолицая, все мальчишки села, и я в том числе были в нее влюблены. Знал бы адрес, обязательно навестил бы их. С этой девочкой вместе мы столько играли в колхозном саду, столько фруктов, ежевики приносил я ей, рыбу ловил, что, наверное, она сохранила меня в каком-нибудь уголке своей памяти. Сидя перед окном, я смотрел на здание напротив. В одном из окон целовались парень с девушкой, и немногочисленные обитатели нашего общежития подняли свист. Те же не поленились и стали показывать стриптиз за занавеской. Какое-то время я смотрел на это бесплатное представление, потом лег, хотел уснуть. Но напрасно, сцена, виденная мною в окне, не давала мне уснуть, я долго ворочался и, только предприняв кое-какие профилактические меры, наконец, погрузился в сон.

Наутро пришел в редакцию. Первым долгом, позавтракал в буфете. Мне показалось, что буфетчица пожалела меня, как приезжего. Может, потому что у нее сын

где-то на чужбине. Во всяком случае, у меня к любому событию свое отношение, и, к месту не к месту, делюсь, с кем попало, своими личными наблюдениями. Естественно, здесь делиться с кем бы то ни было, возможности не имелось, поэтому я смолчал и теперь, когда прошли те муторные годы, рассказываю это вам.

Окрестности редакции утопают в зелени. Поначалу я отправился туда погулять. Если б был хороший партнер, можно было бы и поцеловаться за деревьями. И как настоящий мусульманин, вначале подумал не умом, а мышцами пониже пояса, и даже потянулся. После того, как чистейший воздух утра расширил мои легкие, я отравил зелень этого места сигаретным дымом.

В первые дни в редакции я поработал над парюю писем, подготовил несколько сообщений. Вспомнилась Аиша. И я заскучал. Мои мечты, связанные с чужбиной иллюзии, пустой и глупой мыслью улетели, опустившись на телебашню вдалеке. Если бы знал я адрес, написал бы Аише письмо. Хотя бы позвонил по телефону. Конечно, я не стал ломать голову над тем, чего нет, и задумался. Первое, что пришло в голову, бессмысленность содеянного. Я мог бы быть сейчас в Баку. Или хотя бы в Ашхабад поехал. Как и Аиша, проходил бы практику в газете «Голос Туркменистана». По мере моих размышлений и зелень вокруг, и женщина, сын которой, по моим предположениям, в армии, растаяли и исчезли, как мираж. В тот же вечер с Олегом, первым человеком в редакции, с которым я познакомился, мы гуляли вдоль реки Салгир, потом выпили «Столичной» водки в одном из дешевых кафе и захмелели. Не знаю, почему в провинциях везде в почете «Столичная». Может, думают, она качественная, раз что-то ее со столицей связывает, а может, просто отдают дань моде. Аллах их знает. С Олегом мы долго говорил о Москве, о журналистике, о дружбе народов, потом разошлись, и берегом реки я пешком вернулся в общежитие.

Салгир – маленькая речка, змейкой вьется вдоль всего города. Идти было далеко, и я присел на берегу отдохнуть. Теплой летней ночью, под переливающимися блеском звездами и луной размером с коржи, что печет моя бабушка, я смотрел на реку. На воду падал лунный свет, и поверхность ее блестела, как зеркало. Наверное, в чистой воде реки плавали маленькие рыбки. Я не видел их, но мог представить, потому что вспоминал речку в нашем селе. Еще раз убедился в том, что ничто другое так не успокаивает нервы, как шум воды. Одним из самых прекрасных наших развлечений в селе было сидеть на берегу Аракса и смотреть на воду. В детстве я стоял у воды и ждал, когда появится русалка, о которой рассказывала бабушка в своих сказках. И сейчас я почти верил в эти сказки. Вспоминал, что Аиша хотела быть морем, и видел Русалку на блестящей воде. Склонив голову набок, она полотенцем вытирала волосы. Потом откинула на спину черные, блестящие волосы, какое-то время смотрела меня смеющимися миндалевидными глазами, а потом исчезла под водой так же неожиданно, как появилась.

Посидев у воды, бросил в воду пару камешков, нарушая сон русалки и рыб, а потом вернулся в общежитие. По дороге пытался думать о том, чего хочу от жизни, от людей, но ничего не вышло. Зеркало глаз моих замутилось, мысли рассеялись и бесполезны были попытки собрать их снова. Я чувствовал себя таким жалким и беспомощным, что самым лучшим средством избавиться от этих мыслей - было уснуть. По дороге ночная милиция потребовала у меня документы. Узнав, что учусь в Москве, милиционер долго хвалил столицу, поведал, что переживает из-за того, что до сих пор там не был.

Едва войдя в комнату, лег спать. В том, что уснул сразу, была немалая заслуга «Столичной». Не знаю, сколько времени прошло, но сквозь сон почувствовал, что в дверь стучат. Внимания не обратил, так как знакомых здесь у меня пока не было, а значит, и стучаться было некому. Но в дверь все-таки стучали. Удивление вынудило меня проснуться. Встал, открыл, но за дверью никого не было, и я закрыл ее. И снова раздался стук, на этот раз за дверью смеялись, это были девушки. Однако за дверью опять было пусто. Я вышел в коридор и, наконец, увидел трех девушек. При виде меня они

рассмеялись и спросили, не желаю ли я гостей. Естественно, я желал и впервые продемонстрировал девушкам свое гостеприимство.

Конечно, девушки были рады московским конфетам и сигаретам «Ява». Немного повеселившись, рассказывая анекдоты, две из них вскоре ушли. Честно говоря, в течение всего этого времени все мысли мои были сосредоточены на собственных половых органах, и опять я думал не головой, а нужным мне сейчас местом. Мною, независимо от самого себя, управляла какая-то сила, черти и джины подзадоривали меня, помигивали, корчили рожи. Это чувство было очень притягательно и влекло, как сон. Я же безмолвно, беззвучно следовал за ним. Разговор наш длился до полуночи. Но я больше смотрел на рот ее и грудь, чем слушал, о чем она говорит, и возбуждался все больше. Как говорят мудрецы, когда женщина кончает говорить, ей ничего больше не остается, как раздеться. Естественно, я это понял потом и поверил сказанному на 99,99%. Оставшийся процент сохранил для собственной перестраховки. Конечно, разговор когда-нибудь должен был иссякнуть, мы ведь не роман читали. И все случилось сразу. Как будто бросил камень в реку, и лягушки на берегу на мгновение стихли. Что было делать в такой тишине с незнакомым доселе человеком, да еще противоположного пола. Я стал читать ей стихи. Начал с Рамиза Ровшана, кое-как переводя на русский язык любимое стихотворение: «Если имя мое слетит с еще не целованных губ красивой девушки...» Потом перешел к Марине Цветаевой. Вот что значит ко всему подходить творчески. «Растопи печь, постели постель, у меня в сердце бушует метель...» И она тоже знала, что нужно делать в этой тишине. Причем, не долго думая. Спокойно, поблескивая глазами, как кошка, спросила:

- Может, постелить нам постель?

«Нам!» Странно. Первый раз в жизни я слышал от женщины такое предложение. Вначале растерялся.

- Нет, не беспокойся, я сам.

По ее удивленному взгляду понял, что ошибся и поднялся с кровати. В ту ночь мы спали вместе со Светой, и я лишился девственности.

Я впервые целиком познал женщину, начал изучать «этот таинственный, желанный объект». От Светы не ускользнула моя неопытность. Но должен сознаться, в ту ночь я почувствовал себя мужчиной. Во всяком случае, произошедшее той ночью давало мне повод похвастаться перед друзьями. С того времени, то есть с тех пор, как я принес свою девственность в жертву светлым волосам Светы, я обрел уверенность в себе. И там же в Крыму сексуальные потребности начали превращаться в сексуальную привычку. В этом смысле Даша была права.

Света мне скоро надоела. Мне не нравился запах ее лака для волос. Я сказал об этом Васе из соседнего номера. И он со мной согласился: «Это очень плохо, когда женщина тебе надоедает».

Это, действительно, было отвратительно. В отличие от меня, Вася, как русский, много раз испытывал такое в своей жизни. К счастью, Света уехала в Керчь к бабушке, увезя с собой одну из моих фотографий. Она сказала, что собирает коллекцию из фотографий парней, с которыми спала. Думаю, что теперь моя фотография занимает, если и не первое место в альбоме Светы, то одно из почетных, наверняка.

После отъезда Светы, после того, как общежитие совсем опустело, я снова заскучал. Скука эта – странная вещь. То смотришь, куда-то запропастилась, как бродячая собака, а потом через секунду или через час вернулась. А бывает, пропадает где-то целыми днями. Уж очень легкомысленна. Я уже говорил вам об этом, просто напоминаю, с тем, чтобы вы более зримо представляли мое настроение. Мы с Васей бродили по этажам общежития в поисках собеседников, и неожиданно выяснили, что на четвертом этаже живут две девушки. Сначала мы услышали их голоса. Они пересмеивались, и в звуках этих было что-то таинственное и будоражащее. Не знаю, как вас, а меня очень волнует женский смех. Потом мы увидели самих девушек. Но они нас не замечали. Положив на балкон матрас, они спали там по ночам, а проснувшись где-то к 11-ти утра,

глядя в потолок, щекотали друг друга и толкались. Под конец их звонкий смех доносился уже из комнаты. Мы подожгли бумагу и бросили ее сверху им на балкон. Матрасы загорелись, девушки подняли шум, мы же сверху залили огонь водой, явившись перед девушками героическими «пожарниками». Однако мои уверенность и самовлюбленность не дали результатов, и операция по «обработке» девушек провалилась, в тот же вечер они уехали домой. Я чуть не отправился вместе с Леной с польской фамилией (Войховская) в ее поселок (название забыл), находящийся не много, не мало, в сутках пути от Симферополя. Но почему-то передумал. И в ту ночь я уснул, слушая «Модерн токинг».

Вот уже сколько дней, как романтическая жизнь на чужбине сменилась бессмысленностью. Я теперь ставил под сомнение не только цель моего приезда в Симферополь, но и свое появление в этой жизни вообще. Аиша нужна мне была как воздух и вода. Но я не знал ни адреса ее, ни телефона. Все это можно было узнать лишь на факультете. Летом же на факультете никого не было. Потому, достаточно подумав, я написал письмо в редакцию газеты «Голос Туркменистана», где проходила практику Аиша. Сначала дал краткую информацию о редакции и общежитии, по-джентельменски попросив прощения за то, что беспокою ее письмом, и перешел к сути дела. Честно говоря, не знал, с чего начать, поэтому начал с середины. «Трудно представить, какие чувства я пережил тем вечером. Чуть не сошел с ума и, если бы не Даша, мог бы покончить с собой...» Однако, понимая, что эпизод с Дашей – лишний, старательно вычеркнул это предложение. «Оставим мои муки, мне непонятно, почему ты меня избегаешь. Очень прошу написать мне об этом...» Письмо никак не получалось, и я его порвал. В результате не написал вообще ничего. Той ночью мне приснился сон. Аиша стояла на берегу моря и, глядя на меня, смеялась. Морские волны намочили ее белоснежное платье, оно прилипло к телу. Ветер бросил ее черные волосы ей в лицо. Увидев меня, побежала навстречу. Но, приблизившись, растаяла, как мираж.

Ровно через неделю мне пришло письмо. Его передал мне Олег и по случаю среды, как в армии, трижды ударил меня письмом по уху. Письмо было не от Аиши, а от суки.

20. Письмо суки.

Письмо было от Суки. Без обратного адреса на конверте. Поднимаясь к себе в комнату, я развернул его.

«Знаю, удивисься, получив мое письмо. Знаю, что и ответа не напишешь. Просто я размышляла над некоторыми твоими вопросами и думаю, тебе будет приятно получить на них исчерпывающий ответ. Потому как в отличие от других именно ты понял мое истинное назначение в этой жизни и впервые назвал меня сукой. Другие раньше часами уговаривали меня, а как стала сукой, отстали. Сейчас я занята тем, что часами сижу и жду глупых кобелей. Хуже ожидания нет ничего. Я жду настоящего кобеля. Жду, что он оплодотворит меня, и я выращу такого пса, который бы относился к сукам с почтением и уважением».

В этом месте был пропущен большой абзац. Я подумал, что сука, наверное, вышла в коридор в поисках сигареты или хорошо пьяна. Внимательно присмотрелся к этому белому месту в письме. На листке была нарисована собака, ясно видимая на свету. Я решил, что рисунок сделан белым фломастером. И стал читать дальше.

«Тебя ведь интересует сучья жизнь, не так ли? Тогда слушай. Я – сука, потому что быть сукой мне нравится. И еще потому, что это собирательная форма индивидуальности.

Получив этот статус, уже не важно, где, с кем и как ты живешь. Сразу скажу, что мы, суки, любим чердаки, а кобели – подвалы. В общежитии, где я живу, прекрасный подвал. Твои представления о чердаке, наверняка, поверхностны. Придет время, узнаешь. Я до вечера кружу по городу, общаюсь с людьми, пытаюсь узнать их. Знаешь, почему суки часто меняют кобелей? Чтобы поближе узнать их. Сначала это простой интерес, который потом переходит в привычку. С утра до вечера хожу по городу, захожу в магазины. Мусорки везде пахнут одинаково. И в богатых, и в бедных кварталах. Никто лучше меня не знает, кто чем занимается. Ведь я бываю и на чердаках, и в подвалах, сижу перед барами да ресторанами и слушаю, о чем говорят люди. Все они не искренни и двуличны. Женщины – мужей, мужчины – жен готовы променять на дешевую ночь. Уж не говорю о толстобрюхих. Оттого, что животы их в несколько раз больше голов, от тел их тоже несет смрадом. Я своими маленькими глазками вижу и кишки их. К счастью, зрелище не цветное, поэтому не тошнит...»

В дверь постучали, и я отложил письмо, не дочитав. Это был Вася. Звал меня выпить пива. Я сказал, что приду через несколько минут и вернулся к письму.

«До того, как стать сукой, я вела серую бесцветную жизнь. Ела, пила, ходила, как все, соблюдала жизненные правила и нормы. Но, немного повзрослев, почувствовала, что во мне что-то пытается измениться. Будто что-то менялось, формировалось где-то под пупком. Эти изменения ударили мне в мозг. Жизнь в глазах моих стала окрашиваться в один цвет, то есть я становилась дальтоником, и все видела в одном цвете. К тому же не хотела я, как видно, жить под тяжестью запретов, все внутренне, и внешнее во мне стремилось к гармонии. Чтобы соединить, гармонизировать требования окружающей действительности с внутренней свободой, нужно было стать совершенно иным существом. Вероятно, и начало мое, то есть моя предыдущая жизнь, было иным. И когда ты сказал, что увидел суку, я тоже вспомнила о том, что где-то видела тебя. Ты – маленький самец, которому никто не нравится. Потому-то и нравишься мне. Ты из-за слов моих не задавайся. Это я просто так сказала, подлизываясь к тебе. Ты тоже один из них. Обычнее обычного маленький самец, скрывающий свою похоть. Я часто вспоминаю наше общежитие и скучаю. Наверное, ты тоже. Даже если не признаешься в этом, я все чувствую издалека. Чувствую и раздражающие тебя сомнения и колебания. Знай, что в этих метаниях пройдет вся твоя жизнь, и никогда не сможешь ты принять твердое решение. Но когда-то мы снова встретимся и узнаем друг друга. И тогда ты смиришься со своей долей... Пока. До встречи на лестнице.

Сука Даша».

«Ах ты, сука», - подумал я и пошел пить пиво.

21. Как стал я донжуаном.

Все начинается просто и, чем дальше, тем становится сложнее. Иногда то, что кажется тебе недостижимым, после становится обычным. И эта обычность часто приходит вдруг. Мое донжуанство тоже было признаком обычности. И причина этого крылась в томительности, в скуке дней.

Симферополь – маленький город, поэтому мне казалось, что я его весь уже знаю. Гуляя по берегу Салгира, мне думалось, что и рыбам его я знаком. Ведь я слышал их голоса, видел, как подпрыгивают они к небу от радости.

Прошло полтора месяца с тех пор, как я сюда приехал, и терпеть оставалось еще полмесяца. Кажется, скучал не я один. Люди высыпали к реке. Глядя на прогуливающих под ручку, на целующихся на мостах над рекой, на скамейках у берега, мне становилось совсем тоскливо. Молодые жених с невестой, выйдя из «Дворца счастья», фотографировались в парке. При виде их я вспомнил сначала яблоневые деревья, потом Аишу, ее сестру, что не смогла надеть белое подвенечное платье, и фотографию отца с

матерью у нас дома на стене. В детстве, каждую ночь ложась в постель и просыпаясь по утрам, я видел перед собой эту фотографию и какое-то время смотрел на нее. Эта фотография родителей, лица которых я вспоминал с трудом, казалась мне странной. Они внимательно, в упор смотрели на меня, будто что-то хотели сказать. И однажды та фотография, вместе с рухнувшим домом нашим, отправилась на тот свет, к своим хозяевам.

Побродив немного по берегу реки, я пришел к плакучим ивам. Мне нравятся эти деревья. Будто от стеснения они свесили головы. На скамейке под ними сидела девушка и читала книгу. В этом городе редко встретишь человека, читающего книгу. Они обязательно должны что-то делать. Или целоваться, или вязать, или читать. Я сел рядом. Наклонившись, посмотрел название. «Обществоведение». Чтобы привлечь ее внимание, зажег сначала сигарету и пустил дым в ее сторону. Но она даже не посмотрела в мою сторону, лишь перевернула страничку. Подняв с земли камень, бросил в воду, опять не взглянула. Я почувствовал, что багровою от злости. Наконец, взяв себя в руки, спросил:

- Наверное, к экзамену готовитесь? – задал самый дурацкий вопрос, чтобы завязать разговор. Но иного выхода у меня не было. Не стану же я среди бела дня бросаться целовать ее...

Конечно, она меня видела. И, наверное, оттого что мысли были обо мне, она даже не запоминала того, что читала. На самом же деле она не была мне нужна. Я просто скучал, и скука, как говорила сука, вошла у меня в привычку.

- Откуда знаете? - Машинально спросила она и, невольно взглянув на обложку, сказала: -А-а.

Я рассказал ей, что приехал из Москвы, откуда родом и где прохожу практику. Она внимательно смотрела на меня. Наверное, пыталась понять, для чего я отчитываюсь ей. Естественно, я поинтересовался, куда она готовится поступать. Стало известно, что девушка хочет стать историком. Поговорив достаточно об истории и высказывая, возможно, никому не нужные соображения о том, насколько интересен сей предмет, я почувствовал, как оба мы заскучали. Поднявшись, пошли вдоль реки, кидали в воду камешки, срывали и мяли в руках листья с деревьев, черешками вербы ковыряли в зубах. Гуляли долго, потом сидели в первом попавшемся кафе. Язык мой развязался. Я много говорил, смеялся. Места в кафе было мало, и к нам за столик подсели еще две женщины, невольно вовлекаясь в наш разговор. Они почему-то не хотели верить, что я родился в селе. Влюбились в мой выговор. Относительно взрослая женщина сказала: - С тобою не соскучишься. Больше, чем мне, слова эти пришлись по душе моей спутнице, она улыбнулась и чтобы показать, что не ошиблась в выборе, или то, что принадлежу я только ей, взяла меня под руку и положила голову мне на плечо.

Девушку звали Юлия. Имя я прочел на обложке книги и впервые я назвал ее по имени, когда мы сидели в кафе. Она сначала удивилась, но ничего не сказала, повела себя как зрелая женщина, и посмотрела на книгу.

Вечером я проводил ее домой. Перед тем мы сидели на скамейке у реки, и я ее поцеловал. Из рта ее пахло молоком. Мой аппетит возростал. Мышцы намного опережали мысли и намерения. Она почувствовала это: - Кажется, ты хочешь под суд? – насмешливо спросила она. Конечно, под суд я не хотел, поэтому передумал. Проводил Юлю до дома и распрощался в надежде встретиться завтра у почты. Вернувшись в общежитие, помылся, мышцы набухли, напоминая бесформенный шар. Посмотрел на руки. На что только не способны мужские руки...

Назавтра после редакции я пришел на место встречи, но Юля не пришла, и я, расстроенный, вернувшись в общежитие, заглушил свое расстройство водкой. Перед сном подумал, что Симферополь не такой уж честный город, как я считал, и вспомнил слова главного редактора:

- Послушай, ты сюда приехал практиковаться или с бабами спать?
«И то, и другое», - подумал я про себя, а редактору просто улыбнулся.

22.Игра.

«У игр нет ни начала, ни конца». Внезапная мысль. Дальше не пошло. Значит, не получилось. Нет, зачем спешить. Лучше расскажу о своей игре.

- Давай поиграем в игру, - сказал я. Она же, хлопая глазами, посмотрела на меня. А, может, и не хлопала она глазами и вовсе на меня не смотрела. Так спросила:

- Что за игра?

Я: - Обычная игра. Любовные игры.

Она: - К примеру?

Я: - К примеру, давай будем лгать. Сменим имена. Я буду Мишелем, а ты – Мери.

- Нет, я люблю свое имя, – возражает она.

- Вот это другая сторона игры. Каждый из нас прав в своих желаниях. И в возражениях тоже. Пойдет?

- Пойдет!

И пошло, поехало.

Задание редакции вошло мне в самую кровь. От скуки у меня стало плохо с головой. Мы с Олегом отправились в Ялту готовить репортаж о недельном полевом сборе школьников. Лагерь находился в лесу у Гарагеля. Чуть в стороне виднелись Железная гора и Аи-даг. Когда-то здесь гарцевали турки. Мы жили в палатке. Главным делом школьников было организовывать спортивные состязания и выступать с различными концертными программами. Делом старших было оценивать их, говорить о пустяках и заводить с самого первого дня знакомства. С самого начала Олег открыл мне одну тайну.

-Видишь этих дам, они делятся на три типа. Первые приезжают только развлечься, вторые – погулять и развлечься, третьи – только погулять, и начинать с ними любовные игры бесполезно.

Эти выкладки Олега оказались ложными еще там же, в Крымских лесах.

В день приезда нашего в лагерь Олег подружился с учительницей первого типа и хотел познакомить меня с ее подругой. Но я отказался, потому что мне нравилась другая, учительница из Львова. Ее звали Галина, и относилась она к третьему типу.

Олег сказал мне:

- Кажется, тебе хохлушка приглянулась. Если, как следует, займешься, может, что и получится. – И добавил: - Если переспишь с нею, где бы ни встретил тебя, голову склоню.

На следующий день мы вышли в город. В автобусе я сел рядом с Галиной. Даже не спрашивая, точно знал, что она на пару лет старше меня. Но статус у нас один. Она – руководитель пионерского отряда, я – журналист (что с того, что практикант). На ней была желтая футболка, тонкий пиджак повязан вокруг талии. Кофта туго обтягивала грудь, а пиджак – бедра. Я смотрел на нее еще перед тем, как войти в автобус и, как только она села, вырос рядом. Здесь и началась игра.

- Вы тоже в нашей группе? – спросил я.

- А разве вы меня не видели? – удивилась она.

- Нет, - ответил я, - знаете, то, что в дали, я плохо вижу.

- А-а, - сказала она и посмотрела в окно. Там тянулась равнина, и я чувствовал, что нужно сказать еще что-то, только не знал, что. Хорошо, что она заговорила сама.

- Вы из Москвы приехали, не так ли?

Я кивнул и тут же понял, что она знает мою автобиографию наизусть и, если она мною интересуется, то стоит продолжать игру.

- Я тоже когда-то хотела там учиться. Как там?

- Да так, - ответил я. – Ничего особенного. Обычный город, я называю его «подземным городом».

- Почему «подземным»?

- Потому что люди злы на язык. Как будто они не из этого мира.

- Вот как значит, - проговорила она и снова отвернулась к окну.

- Смотри, вон на вершине орел.

- Ты же не видишь далеко, – удивилась она. – Трепач!

Ложь моя была раскрыта, поэтому я применил принцип «пятьдесят на пятьдесят».

- Знаете, говорить все время правду – не интересно. Человеку хочется меняться. Я, к примеру, хочу измениться.

- Почему?

- Потому что никак не найду общего языка с людьми, особенно с женщинами. Мне, например, кажется, что руки их нежны, как голубиные крылья, и если я их прижму к себе, наверное, переломаю ребра..

- Отчего же? Вовсе нет, - сказала она и посмотрела на свои руки.

- Можно? – спросил я.

Она протянула мне руки. У нее были белые-пребелые и, впрямь как голубиные, тонкие пальцы. Я тихонько их сжимаю:

- Больно?

Она качает головой.

- Нет, - говорю я, - не могу их сжать.

И снова молчание. А в автобусе от шума глохнут уши. Странно, но я его будто и не слышу.

- Знаете, у меня всегда с женщинами проблемы. Никак не могу дружить с ними до конца. И, к несчастью, они первые меня бросают.

- И часто так бывает?

- Один, два раза в год (видите, да, степень вранья...) Но к вам я как-то прикипел. Можно спросить? – в открытую подхалимничаю.

- Спрашивай.

- К примеру, если я хочу пригласить куда-то женщину, как сказать ей об этом? (Этот эпизод я видел в кино, и то, что мне не чужд плагиат отчетливо здесь себя проявило).

- Так прямо и скажи.

- Так и сказать?

- Так и скажи.

- Тогда, если вечером я приглашу тебя на пиво, согласишься?

- Конечно. (Она даже не удивилась)

«Сто процентов - она тоже видела этот фильм», - подумал я.

В тот же день я купил в магазине несколько бутылок «Жигулевского» пива.

Вечером в лагере началась дискотека. На открытой поляне, под мерцание звезд мы танцевали в летнюю ночь. Впервые я видел в небе столько звезд. Небесный свод напоминал блестящее платье.

Немного потанцевав, я напомнил Галине о ее обещании. Забрав из палатки пиво, мы распили его под деревом. Жизнь в тот миг была прекрасна, никто мне не вспоминался, даже Аиша, а если бы и вспомнилась, я не очень скучал по ней. Иногда, как в испорченной киноленте, она появлялась у меня перед глазами, и сейчас, даже если бы и хотел, не смог бы собраться с мыслями и вспомнить прошлое. Я думал о настоящем, о том, что видел и слышал, ощущал женский запах кожи Галины и читал ей стихи. Было

приблизительно так: дай мне сначала руки, потом волосы, потом губы. Она не возражала. Но дальше пойти не позволила.

- У меня есть муж, - сказала она.

- А у меня три жены. – Мы оба рассмеялись.

- Нет, без шуток, я с комплексами.

- Тогда пойдём ко мне, - сказал я.

- А для чего? - спросила она.

- Хочу показать тебе то, о чем мечтал в детстве и неожиданно тут нашел, - ответил я, и мы пошли в мою палатку.

Свет фонаря на столбе падает в открытую дверь палатки, и я показываю ей воздушного змея.

- Видишь, какой он хрупкий? Как твои руки. (Какое отношение имеет воздушный змей к ее рукам?) Странно, но она была довольна.

- Может, запустим? - говорит она.

- Запустим, но завтра, когда будет светло.

Лежа в палатке. Курили сигареты. Почему-то подумалось о космонавтах. Не знаю, почему. Наверное, потому что с ближайшего аэропорта поднялся самолет. А, может, из-за вчерашних частушек. В сельском клубе девушка говорит: - Я в деревне родилась, космонавту отдалась. Все мужчины в один голос: - Ух ты, ах ты, все мы – космонавты.

Галя поднялась, посмотрела на меня и спросила:

- О чем думаешь?

- О тебе, - конечно, соврал я. Но должен же был я что-то сказать.

- Знаешь, он – негодяй.

- Кто?

- Муж, я мщу ему.

Я молчал.

- В день нашей свадьбы он с моей подругой, в соседней комнате... Я открыла дверь и закрыла. Ничего не сказала. Что говорить?... Я бы и слов не нашла. Подруга столько лет и будущий муж. Конечно, ревновала. Я ему спустила это, но дала слово, до смерти буду отплачивать за то.

- А как же комплекс? – спросил я.

- Комплекс – наши уши, - ответила она.

Это потом уже я понял, о чем она говорила. Женщины потому любят ушами, что намерены обманываться, и чтобы достичь желаемого, хотят слышать ложь. Так очень легко оправдывать себя. «Ты меня заставил». Как только заходит спор, они говорят эти слова. В тот вечер все вышло сто на сто, и на следующий день во время завтрака Олег отвесил мне джентльменский «реверанс».

Через две недели я вернулся в Москву. Уезжая, остановился в дверях, будто что-то забыл, какое-то время оглядывал комнату. Затосковал, пожалел, что больше никогда не увижу этих мест. Мне показалось, что сердце мое, как мельница с пересохой водой, крутится впустую, сама по себе, иногда поскрипывает. Вокруг пустота, тишина, будущее безнадежно. Во всяком случае, возвращаясь в Москву, я думал именно так. Но, открывая в Москве стеклянные двери общежития, понял, что ничто не потеряно. Первое, что я увидел, поднимаясь по лестнице, была Даша. Как всегда, она читала книгу и дымила сигаретой. И я впервые тогда подумал, что не такая уж Даша уродина.

23. О Даше, еще больше.

«Воробьи, откуда они здесь? Странно. В Москве бывают воробьи? Я смотрел в окно на воробьев, гуляющих на балюстраде. Они клевали сухие остатки хлеба, который мы там оставляли. С этого года мы с Рамизом перешли в отдельную комнату. Но получить отдельную комнату не каждому под силу. Для этого нам пришлось дать коменданту Пендюк Тамаре Ивановне 25 рублей. Скоро придет Даша. Мы договаривались. Рамиз по своему обычаю ушел с утра на занятия. Есть особая прелесть в том, чтобы жить в одной комнате с товарищем, всю жизнь мечтавшем стать военным.

Помывшись в ванной, я, как воробьи, кинул в рот сухого хлеба, оставшегося в шкафу, пожевал. И снова остановился у окна, глядя на воробьев. Они разгуливали по балюстраде, иногда, остановившись, смотрели в окно, на стоящее там существо, то есть на меня. Вертя круглой, с орешек, головой, поводя крошечными, с крупинку, глазками, пытались определить, кто это. Воробьи будто в зеркало смотрелись. Из комнаты мы переехали. Больше ничего не изменилось. Та же трамвайная остановка, та же пивная будка, те же люди. Изменились лишь наши с Аишой отношения. Чувства же не изменились. Все те же.

Я включил электрический чайник. Положил в стакан сахару. Неплохо было бы запить чаем сухой хлеб. Вообще-то проглотить хлеб мне не удавалось. Был он какой-то вязкий, прилипал ко рту. Наверняка, с «девятки». Вчера вечером мы с Дашею надрались, как скоты, договорились, что она зайдет утром. Включил радио, покрутил его немного и, не найдя ничего стоящего, выключил. Радио мне подарили друзья-студенты. На нем написано: «Дорогому Мухамеду от любящих друзей...» К чему отточие? Лишние деньги. Ведь каждый знак стоит денег. Запустить бы это радио ко всем чертям в окно. Никчемная вещь, кому она нужна. Рамиз до одури слушает по нему арабский язык, сводит меня с ума. Но, опасаясь обидеть друзей, я не стал беспокоить чертей. Подарки надо ценить.

Наконец, закипел чайник. Даша не пришла. Выпив стакан сладкого чая, я спустился вниз.

На остановке, кивнув головой, поздоровался со знакомыми ребятами, студентами. Кто станет в холод вынимать руки из карманов. В холод человеку и в туалет сходить лень бывает. Осень. Занятия только начались. Каждое утро, придя на остановку, я боялся увидеть Аишу. А чего боялся, уразуметь не мог. К счастью, она не жила в общежитии. Наконец, показался трамвай, а вместе с ним неспешно пришла и Даша. Кутала шею в полушубок из собачьей шерсти. Трамвай остановился, она сразу же побежала, запрыгнула, чтобы не упасть, схватила меня за руку, запах ее духов ударил мне в нос, оттуда прошел в мозг, потом в сердце, и потек в кровь. По жилам понесся некий поток, сердце заколыхалось, я подхватил ее за талию, обнял и не отпускал, пока не вышли мы из трамвая...

Аиши на занятиях не было. Может, она и была, но на лекции в общем потоке я ее не видел.

С занятий мы вернулись вместе с Дашей, поели в буфете общежития. Она, как обычно, взяла кашу, я – суп харчо.

- Может, выпьем? – сказала она, хитро улыбаясь.

- Выпьем. Отчего не выпить?

Поднявшись в комнату, я достал из холодильника бутылку «Столичной» водки, бананы и яблоки. Даша при виде бананов не могла сдержать радости:

- Ой, бананы! – воскликнула она, бросилась мне на шею и поцеловала.

Даша сидела на диване, закинув ногу на ногу, видны были ее полные колени и гладкие бедра. Я внимательно смотрел на нее. Даша это чувствовала, и потому дразнила меня, часто меняла позу, чтобы я мог видеть ее нижнее белье. Когда мы выпили до половины бутылки, я включил магнитофон. Сейчас меня интересовала ни водка, а гораздо более важные вещи. Мы немного потанцевали под музыку Попетти. Я заглянул ей в глаза.

- Почему ты так смотришь на меня? – спросила она.

- Как?

Даша знала, почему я так смотрю на нее и чего я хочу, наверное, и ей хотелось того же. Потому как она сама подтолкнула меня к решительным действиям.

Я прижал ее к себе.

- А-а-ай, - застонала она, от стога ее заныли все мои мышцы, и я еще крепче прижал ее к себе.

- Не здесь, - сказала она, - на чердаке.

- Почему именно на чердаке? – спросил я.

- Потому что впервые это со мной было на чердаке, - засмеялась она, а потом добавила, - добровольно.

Мы прошли в конец коридора, потом на 15 этаж и поднялись на чердак. Как только мы оказались там, я обнял ее. Мы целовались. Из рта у нас шел пар. Кто-то сбоку, недалеко от нас, засмеялся. Девочки из общежития.

- Вас тоже на чердаке изнасиловали? – спросил я и засмеялся. Они ушли.

- Не спеши, - сказала Даша, - сначала давай посидим, посмотрим.

- На что посмотрим? – спросил я.

- На небеса. Пусть стемнеет...

- Так темно же, - сказал я, - солнца же нет. Оно зашло.

- Еще нет, не зашло, вон краснеет. – Даша показала рукой на закат. Я обнял ее...

Теперь все стремительно шло вперед, к последней точке. И эта точка была в глубине.

Потом мы сидели и считали звезды.

- Я знаю, ты и когда обнимаешь меня, думаешь о ней, - сказала Даша и выбросила сигарету.

Я ничего не сказал. Молчал. Даже разозлился, оттого что она напомнила мне об Аише...

- Ну и пусть, я не ревную, - сказала Даша...

Мы оба замолчали, слушая звуки ночных букашек. Даша снова закурила, протягивая сигарету и мне.

- Я не хочу, - сказал я. – Бросил.

Даша удивилась:

- С каких это пор?

- Со вчерашнего дня, - засмеялся я и прикурил сигарету. Пару раз затянувшись, погасил. А Даша, как добропорядочная девочка, аккуратно затушила ее. Воздух поглотил дым сигареты, а во рту у меня остался ее горький привкус.

- До этого ты со многими спала? – Я спросил это так просто. Но Даша промолчала, может, не расслышала. И я пожалел о том, что спросил. Но Даша слышала и, безучастно, ковыряя спичкой пол, сказала: - Не знаю даже... Пять или шесть будет.

- А почему одного не хватает?

- Это я назло.

- Кому?

- Маме. Она меня даже к одноклассникам в гости не пускала. Я дала слово, став студенткой, буду спать, с кем захочу.

И опять прежняя тишина. Лишь звуки букашек, их явно стало больше, казалось, что они пели песню сгущающейся темноте. Вечерний ветерок поглаживал нам волосы. Даша положила голову мне на колени:

- В следующий раз на траве, хорошо, - теперь я высказал свое пожелание.

- Почему на траве?

- Не знаю, мне нравится запах сухой травы.

- В Крыму ты хотя бы вспоминал меня?

- Нет, - ответил я.

- Ни разу?

- Один раз вспомнил. Это когда увидел на улице суку. – Мы оба рассмеялись, и темнота растворилась в своей плоти наш смех.

Меня остановила на улице цыганка. Волосы взъерошены, за спиной у нее сопливый ребенок, протянув свои черные грязные руки, говорит, - давай погадаю.

- А чего гадать, я и без гадания знаю, все у меня тухло, – сказал я, усмехнувшись.

-Тебе - то откуда знать, ведь судьбу свою ты не знаешь. А я знаю. Давай я тебе просто так погадаю, без денег. Потому что у тебя очень странные глаза.

- Этого мне еще никто не говорил. «У тебя странные глаза» - Это у меня-то... Я был растерян...

- Дай взглянуть, ну что тебе стоит, - она приободрилась.

--Ну, смотри, - я протянул ей руку, она взяла ее в свою ладонь, но смотрела не на руку, а мне в глаза. – Ты любишь, но она не будет твоею. Потому что душа ее с другим. И тебя любит кто-то другой. Долго будешь жить, будет у тебя две дочери и сын... Однако, та, кого ты любишь...

Вот тут-то у меня и оборвалось сердце. – Продолжай, - говорю, - продолжай...

- Нет, не стоит, чего тебе душу рвать. Да и денег не надо, - сказала цыганка.

Прилипчивая гадалка не хотела брать денег. Я не отставал, насилу вложил ей в руку 15 копеек. Может, эти 15 копеек изменят судьбу Аиши. Как знать...

- Что с тобою, - Даша смотрела мне лицо, - что-то произошло, да?

- Ничего, - ответил я

- Может, с цыганкой повстречался?

Я растерялся. – Ты откуда знаешь, за мною шла, наверное?

- И вправду с цыганкой встретился? – Даша смеется и добавляет: – И я тоже. - Будто ей встретила не цыганка, а Шварценегер. Даше очень нравится Шварценегер. Будь ее воля, она помчалась бы к нему и в первый же вечер бросилась его в объятия.

- Ты гадалкам не верь, и руки им свои не давай. Это ведьмы! – Сказала Даша и, выпучив глаза, вытянула ко мне руки: – Уууу...

Уже несколько дней, как возобновились занятия. Но об Аише не было никаких вестей. Я же всю предавал ее, а по ночам меня преследовали кошмары.

24. Сон.

(не повтор)

I эпизод

Здание с узкими проходами. Бесхозные старики сидят у стены вонючего коридора, не пройти. У входа и выхода - одна и та же фраза: «Отсюда выхода нет». Как это нет выхода? Я ведь спешу на очень важную встречу. Но с кем?..

II эпизод

Иду куда-то на свидание, но и здесь нет выхода. Самое удивительно то, что я теряю спасительное во всех сложных ситуациях чувство юмора. Я говорю одной из женщин, стоящих на моем пути: - Вы похожи на Софи Лорен, - она начинает ломаться. – Да не ломайтесь вы, а я похож на Алена Делона. Женщин становится больше, и они собираются насиловать меня.

III эпизод

Куда-то идет поезд. Я вхожу и выхожу. Женские колготки, лифчики. Поезд все никак не довезет меня туда, куда мне хочется попасть.

IV эпизод

Местность неизвестна. Со всех сторон ко мне бегут женщины, они наваливаются на меня, опрокидывают наземь, дыхание мое останавливается. Взываю к помощи окружающих, прошу освободить меня от них. Но до меня нет никому дела. С трудом поднимаюсь на ноги. Одна из женщин, забралась мне на спину, вцепилась и не отпускает. Я, чтобы освободиться от нее, бегу, куда глаза глядят. Вдруг встречаю знакомого. Прошу его освободить меня. Он отрывает ее, как сухую лепешку кизяка, и швыряет в сторону. Я лечу, пытаюсь освободиться от женщин. Но как всегда, улететь не удастся. Потом иду в сторону своего дома. Брюки испачканы. Они, пожалуй, еще, и оклеветают меня, - сонно думаю я.

V эпизод

Я, как всегда лечу, на этот раз над водной гладью, внизу подо мной плывут судаки, я хватаю их и швыряю на берег. В это время у кромки воды вижу красивую женщину, на ней яркая, пестрая шляпа. Когда она поднимает голову, я вижу, что это нежная змейка, и пугаюсь. Женщина-змея говорит мне, чтобы я не пугался, давай потанцуем, я же, испугавшись, пячусь от нее, окружающие также просят меня не бояться. Я опасливо подхожу к ней, она просовывает голову мне под мышкой, обвивается вокруг меня и кладет голову мне на плечо. Мы танцуем танец «Сулеймани»...

25. Яблони нежные цветы.

(продолжение и окончание)

Наконец, объявилась Аиша. Вернувшись с занятий, я зашел на почту общежития. Поинтересовался, есть ли для меня письма и пришли ли газеты из Азербайджана. На мое имя пришло письмо. Письмо было от Аиши. Я понял это по почерку на конверте. В комнату подниматься не стал. Сел на потертый кожаный диван в вестибюле. Открыл письмо. В письме была лишь одна фраза. «Жду тебя завтра в 2 часа у киоска Торгового центра. Аиша.» Не спал всю ночь, и на занятия не пошел, и как только пришло время, поспешил на встречу с Аишой.

На место встречи с Аишой я пришел ровно за полчаса. И пока она не появилась, пропустил через свои легкие полпачки сигарет. Наконец, пришла Аиша. Как всегда, на ней был полушубок, волосы у нее стали длиннее и были убраны назад. Она сильно похудела. Мне показалось, что такое состояние придает ей особую привлекательность. Взяв мою руку, долго смотрела на нее, поворачивала туда-сюда. Словно цыганка гадала.

Я решил пошутить. – Мне уже гадали, - сказал я и засмеялся

- Мне нравятся твои руки, - сказала Аиша и улыбнулась.

Цвет губ Аиши напоминал увядшую под дождем розу.

Мы долго гуляли по аллее, тянувшейся от Торгового центра до автобусной остановки. Доживали последние дни золотисто-желтые листья. Почему-то мне стало их жаль. В утренней и вечерней прохладе листья перешептывались как влюбленные. Как и у людей, красота у листьев – преходяща.

- Я возвращаюсь в Ашхабад, - сказала вдруг Аиша спокойно, нисколько не меняясь в лице. Я удивленно смотрел на нее. Она, не обратив внимания на мое удивление, продолжила в том же тоне. – Не могу я здесь оставаться.

- Почему, - спросил я, - ну почему?

- Это долгая история, - сказала она, - да и боюсь, что ты не поймешь.

- Я пойму. Мне ты можешь объяснить, - сказал я, и совершенно потерянный, достал сигареты и закурил.

Мы оба спокойно шли, будто считали свои шаги и боялись сбиться со счета. Наверное, нам хотелось, чтобы дорога эта никогда не кончалась. Потому что конец дороги щемил душу и приводил нас к началу разговора, которого мы всё опасались. Закончились занятия, и школьники, выбежав из школы, бежали куда-то по парку, обгоняя друг друга. Глядя на них, Аиша чему-то улыбалась. Мне вспомнилось детство.

Я вспомнил, как каждое утро, спозаранку, шел пешком с ребятами целых три километра, вспомнил и выстроившиеся вдоль дороги тополя. Сейчас по этой дороге идут совершенно другие дети. Должно быть, они счастливчики. Я представлял себе их и заскучал. Те беззаботные дни мне казались недостижимы. Когда-то я завидовал приезжавшим в село ребятам, учившимся в профессионально-техническом училище.

Дойдя до автобусной остановки, мы остановились. Аиша, заложив руки в карманы, нарисовала на земле кончиком носка круг. – Все в этом круге, - сказала она, не поднимая головы.

Я промолчал, так как ничего не понял. Стал лишь что-то высматривать в этом круге. Он напомнил мне темный колодец. Тот колодец был в селе, на дне оврага. Нагнувшись, приложив ладони ко рту, мы кричали в него, но ничего не было слышно, так как в отличие от гор, колодец поглощал наши голоса. Мы были в ужасе. Говорили, что колодец этот как-то вдруг обнаружился, и весь пропавший до того скот и люди были им поглощены. По ночам из колодца этого выходили джины и духи. И еще говорили, мол, однажды, затемно, когда одна из наших сельчанок, Гаджиханум, возвращалась с хлопкового поля, ей преградил дорогу ее отец, пропавший лет 20 назад, и спросил у нее: - Доченька, Гаджиханум, ну как поживаешь?

Странно, тело покойного давно уже, наверное, истлело, дух где-то витал, но голос совсем не изменился. Довольно было услышать это, чтобы волосы у нас встали дыбом. К счастью, в колодце том вскоре стали обжигать известь, и все эти джины и духи сгорели, а колодец как-то постепенно потерялся. Наверное, потому что мы выросли, и колодец не навевал уже на нас ужас. Аиша несколько раз перечеркнула круг, стерла его, потом долго смотрела на пустующий на остановке автобус

- Если хочешь знать правду, мне очень тяжело оставлять тебя и уезжать. Но так надо. Я должна на какое-то время вернуться в Ашхабад, а как все наладиться, поговорим, - сказала Аиша.

- Я что-то совсем ничего не понимаю, - сказал я, - все, что ты сейчас говоришь, делаешь, для меня покрыто мраком.

Какое-то время мы снова молчали. Приходили и уходили автобусы, троллейбусы, Москва жила в привычном ритме, лишь только наши с Аишой взаимоотношения сбивали этот ритм. В голове у меня все перемешалось. Сейчас я действовал не умом, а подчиняясь импульсам, посылаемым мне сторонними инстинктами. Если бы в этот момент, сойдя с пути, на меня двинулся бы автобус, то первым отреагировал бы не мой мозг, а тело. Потому что сейчас все записывалось не в память мозга, а в память тела.

- Пойдем, - сказала Аиша, и мы сели в 41 автобус.

Через две остановки вышли, поднялись на 3 этаж девятиэтажного дома. Комната, в которой жила Аиша, была пустой. Здесь ничего, кроме нее самой, об Аише не говорило. На стенах не осталось ни одной фотографии и картины. Комната пахла не людским духом, а архивом. Будь я экстрасенсом, почувствовал бы дыхание прежнего хозяина, впитавшееся в стены, в обои, краски. Но и этого не было, и я, как полусонный, хотел

подставить голову под кран с холодной водой и вымыть ее. Чувства эти зародились во мне не сейчас. Они зародились 31 декабря прошлого года, когда я подходил к дому, где раньше жила Аиша, и больше уже меня не оставляли. Вокруг все было чужим и незнакомым. И если кто-либо сейчас стал бы говорить мне что-то на ухо, пытаюсь разбудить, я лишь повернулся бы на другой бок в приятном беспмятстве полудремы. С этими мыслями я сел на старый диван, оставленный хозяином дома для квартирантов.

Аиша пошла на кухню, вернувшись, пояснила, что все вывезла еще летом, когда уезжала в Ашхабад.

- Так не должно быть, - сказал я, сам того не желая. У меня вырвалось то, что было на сердце.

Аиша промолчала. А может, хотела понять то, что было у меня на душе, может, она как баба Ванга, издали чувствовала и читала все, что у меня на сердце. Аиша была сверх меры чуткой.

- Ты, действительно, хочешь этого? – спросила Аиша и отчего-то посмотрела не на меня, а на стену, потом подошла к стене и принялась поглаживать ее. Будто ответ ждала не от меня, а от стены.

Хочу! - сказал я. И Аиша стала рассказывать

И Аиша рассказала:

- Я очень люблю яблоневые деревья. Наверное, потому что первое, что я увидела, открыв глаза – это были яблоневые деревья. Яблоки и яблоневые цветы сопровождают меня всю мою жизнь. Мы росли вместе с яблоневыми деревьями. Я, моя сестра Адиля и сын тети Алиназар. Все трое, пока не пошли в школу, жили с бабушкой. Каждое утро с сестрой мы играли под шепот яблоневых деревьев, потому что росли они прямо перед окнами нашей спальни. Бабушка говорила, что деревья эти охраняют нас. И Али тоже жил вместе с нами. Он был единственным сыном моей рано умершей тети. После смерти матери отец оставил Али на попечение дедушки с бабушкой и уехал, никто не знает, куда. Когда бабушка хотела утешить Али, она уверяла его в том, что отец вернется.

Аиша сделала паузу... Кажется, мысли ее путались. Потом продолжила: - Но это не имеет особого отношения к делу. Хочу сказать, что мы все очень любили Али из-за того, что сиротой был и судьбой обижен. Даже потом, когда мы приехали в город, Али не оставлял от нас. Приходил часто. Яблоки приносил. Мы же с сестрой каждую весну, когда зацветали яблони, ездили в село. И оставались там, пока они не отцветали. Село наше было недалеко от Ашхабада. Если смотреть оттуда на восток, можно было видеть Каракумы, на юг – Копетдаг. Я потому говорю тебе об этом так подробно, что раньше мы, то есть, дедушка мой, жили в Каракумах, в пустыне. Хоть я не видела тех мест, но хорошо представляю. Бабушка всякий раз, глядя на восток, говорила: - Раньше там был наш кров. Пустыня же, куда она показывала, сливалась с небом, и мне казалось, что там край света. Когда семью бабушки высылали из Карабаха, вначале их хотели потопить в море, но потом сжалились и привезли в Каракумы. Причины никто не знает. Уже гораздо позже, отец мой после женитьбы привез дедушку в наше село, потому что «людей, живших у Аракса, бросить вдруг в пустыню, все равно, что рыбе остаться без воды». Это говорила моя бабушка, и отец, используя свое служебное положение, купил нам дом в окрестностях озера Мамырлы. Не трудно представить радость, доставляемую яблоневыми цветами, в краях, овеваемых со всех сторон пустынными ветрами, где воздух имеет привкус песка, не так ли?

Я кивнул головой.

Из кухни донеслось шипение чайника, и Аиша вышла из комнаты, выключила газ под ним и вернулась.

- Когда мы родились, Али и сестру помолвили. После окончания 9-го класса их обручили. Мы очень любили Али. Любили так сильно, что скучали, если не видели его целый день. Куда бы ни шли, всегда вместе, вместе отдыхали, вместе готовили уроки, вместе кормили голубей.

Аиша снова умолкла. Она хотела продолжать рассказ, но, видимо, не знала, с чего начать. Наверное, поэтому говорила скомкано, отрывисто.

- Однажды произошла трагедия, - сказала вдруг она и стала нервно вытирать тряпкой стол. - Я говорила тебе, что сестра покончила с собой из-за матери, - добавила она. - До конца прошлого года мы именно так и думали. Потому как ничего другого и в голову нам не приходило. И мама так думала, она считала, что Адиля убила себя из-за нее. После смерти мамы и сестры я долго не могла прийти в себя. По ночам видела кошмарные сны. Кто-то пытался задушить меня, изнасиловать, и я слышала не свой, а голос Адили, зовущий на помощь. Чтобы избавиться от этих чувств, от какого-то заклятия темной комнаты, я переехала к бабушке, но, несмотря на это, успокоиться не могла. По ночам слышала, как зовет меня Адиля из-за деревьев, чувствовала, как мать, обернувшись ведьмой, бросается на меня, и как сумасшедшая, я бродила меж деревьев. Испугавшись этого моего состояния, отец и бабушка отвезли меня в город к врачу. После лечения через какое-то время я немного успокоилась. Но врачи советовали сменить место жительства. Я приехала в Москву, и после встречи с тобой стала намного спокойнее. С самого первого дня я знала, что ты мне нужен, но боялась. Чего я боялась и почему, я даже сейчас толком и не знаю. Это чувство страха, идущее изнутри меня самой, спящее в глубине моей памяти. Несмотря на это, внутренне я ощущала себя покойно. И оба эти чувства с утра до вечера боролись друг с другом. Но ночь уходящего года все перевернула вверх дном. Вместо того, чтобы вместе с тобой думать в тот вечер о прекрасных вещах, я столкнулась с новой трагедией.

Аиша остановилась, взяла сигарету из пачки. Я, естественно, опешил, потому что она не курила. Аиша повертела в пальцах сигарету и положила на место.

- Мне нравится запах сигарет, - сказала она. Потом опять, помолчав какое-то время, продолжала:

- 31 декабря я ждала тебя. В это время зазвонил телефон. Это была соседка. Она сказала, что мне срочно нужно ехать в Ашхабад, отец в больнице в тяжелом состоянии. Я совсем потеряла голову. Я не смогла предупредить тебя. До самолета оставалось час с небольшим. Наспех собравшись, спустилась вниз и по доброте дежурного диспетчера успела на самолет.

Отец лежал в отдельной палате центральной больницы. Бабушка сидела рядом. Отец спал. Ему подключили систему. Через некоторое время он проснулся. Я взяла его за руку. Руки его посинели. Как будто кровь со всего тела прилила к рукам. Какое-то время мы оба молчали. Мы понимали друг друга без слов. К тому же врачи рекомендовали ему не разговаривать несколько дней и не волноваться. Вернувшись в тот вечер домой, увидела, что дверь в комнату Адили открыта. После ее смерти никто не входил в эту комнату, и все в ней оставалось, как раньше. Но теперь картина была другой. Все в комнате Адили аккуратно было сложено. Даже пустые флаконы от духов, что она с любовью хранила, были выставлены на тумбочке. И расческа ее лежала, как всегда. На ней были длинные черные волосы. Словно кто-то недавно ею пользовался.

Через два дня отца выписали домой. Он не разговаривал. Лежа на своей кровати, часами молчал, уставившись в одну точку. Иногда я беспокоила его, спрашивая, не принести ли чаю. Наутро после завтрака бабушка уехала в село. По причине сиротства отца бабушка любила его не как зятя, а как родного сына. Наверное, потому что терпел ее злую на язык дочь. Едва услышав о болезни отца, она приехала в Ашхабад и лишь после моего приезда вернулась в село к горбатому верблюду, к овцам и курам своим.

Мы с отцом остались в доме одни. Он сам меня позвал на этот раз. Долго смотрел на меня, потом обвел взглядом потолок, стены и остановился на окне, не глядя на меня, спросил:

- Ты знала?! Я не поняла, о чем он говорит. Не поняла, выговаривает он мне или просто спрашивает.

- О чем ты? Я не поняла.

Отец молчал. Потом достал из-под подушки тетрадь и протянул мне. Это была тетрадь Адили, но после смерти она куда-то пропала, может, просто никто не вспомнил о ней. Аиша достала дневник из сумки и стала листать. На обложке 96-листовой тетради было вырезано сердце со стрелой и закрашено красным цветом.

- Адилия начала вести дневник где-то за год до смерти, - продолжала Аиша. - Здесь было все, от пожеланий одноклассников до дней болезни. На первых страницах ничего необычного я не нашла. Иногда здесь встречались рисунки яблок, какие-то заметки о сортах яблок, приклеены были листки из календарей, опять-таки связанные с яблоками. Конечно, больше всего меня интересовали последние ее дни. Я хотела знать, что чувствовала она тогда. Можно было найти что-то о причинах ее самоубийства, и чаще всего в дневнике встречалось имя Али.

На последующих страницах были таблицы различных дней. Больше всего было заметок, касающихся женщин и ее самой. Адилия была очень щепетильна и записывала даже время, дни, когда болела.

«Вчера приходил Али. Как только постучал в дверь, я уже знала, что это он. Я быстро побежала и открыла дверь. На Али было черное пальто. Губы его посинели от холода, он мял свои длинные пальцы и отчего-то стеснялся. Я кинулась ему на шею и поцеловала. Лицо его пахло яблоками».

Такого рода записи об Али встречались часто и были похожи друг на друга.

Читать же последние три страницы дневника было все равно, что гореть в адовом огне. Читая ее записи, мне казалось, что у нее была температура. Потому как и в записях, и в мыслях ее, как видно, была какая-то путаница. Адилия хотела кому-то рассказать о своей беде. Но почему-то не решалась. Хотя бы мне она открылась. Но она и этого не сделала. Адилия писала о странных вещах. «Два дня у меня болит голова. Я до сих пор не могу понять, как и почему это произошло. Помню только то, что Али принес яблоки. Мы ели яблоки. Потом говорили о свадьбе. Я одела только что купленное свадебное платье. Я как будто летала. Ангелы, взяв меня и Али за руки, привели в спальню. Все было прекрасно. Мне хотелось обнимать и целовать Али. Тело мое было чересчур легким». 18 августа.

7 сентября была еще одна запись: «С утра меня тошнит. Мне кажется, что я беременна. Это что-то во мне. Я не нахожу себе места. Каждую ночь вижу путанные сны. Кто-то хочет забросать меня камнями. Сколько бы ни мылась, не могу очиститься. Мне кажется, что и белоснежный халат мой в пятнах. Меня к этому принудил Али. Теперь я никому не могу смотреть в глаза. Яблоневые деревья рвут мои волосы. Бабушка говорила, что гореть нам а адовом огне. Будь проклят он».

- Через два дня, 9 сентября, Адилия покончила с собой, - сказала Аиша и заплакала.

Бесполезно было мне утешать ее. И все же я положил руку ей на плечо. Но она сняла ее с плеча, как что-то чуждое.

- Пусть все остается в прошлом, - сказал я.

- Ничто так просто не проходит, - сказала Аиша и вытерла слезы тыльной стороной ладоней.

Я не знал, что говорить

- Ты что-нибудь понимаешь? - спросила Аиша и добавила: - Знаешь, мне важно твое мнение. Я что-то понимаю, но не до конца. Как ты думаешь, что это было?

- Немного понимаю.

- Хочешь сказать, что... - Дальше она говорить не стала. Опустив голову, ломала пальцы, кусала дрожащие губы. Пыталась успокоиться. Потом, подняв голову, посмотрела на меня:

- Адилю изнасиловали, да? – и тут же добавила: - Кто, по-твоему ?

- Я ничего такого не говорил. Но ей могло просто показаться, что она беременна. И человека, которого она любила...

- Мне кажется, она никогда не любила Али, - Аиша перебила меня. – Вернее, любила, но как брата...

- А что стало с Али?

- Он просто исчез. Однажды ушел и больше не вернулся. Говорили, что он, вероятно, уехал к отцу. Кто знает?

Аиша немного помолчала. Честно говоря, я не знал, что сказать, и чтобы уйти от этого мучительного разговора, я готов был пойти даже в пивную к алкашам.

- Меня тоже изнасиловали, - вдруг сказала Аиша. – Это у меня внутри.

- Что? – спросил я.

- Не знаю, - сказала Аиша и стала комкать покрывало с дивана.

После паузы длиною в интервал между поездами метро, чтобы избавиться от нависшего неловкого молчания, я сказал: - Это просто ощущение. Близнецы обычно переживают одни и те же чувства. Но все пройдет.

Аиша на этот раз промолчала, пошла к окну, потом вернулась, стала ходить по комнате. Наконец, сказала: - Я не сказала всего, - под моим удивленным взглядом еще немного помолчала, глядя на меня.

Тишину комнаты нарушали звуки метро под домом. Подняв голову, увидел, что Аиша стоит перед окном. Может, собиралась с мыслями. Потом, чертя пальцем по стеклу, продолжила:

- Я говорила тебе, что каждую весну, когда зацветают яблоневые деревья, езжу в село. В наших краях, можно сказать, фруктов нет. Яблони можно по пальцам пересчитать. Те яблони, что у нас во дворе, дедушка привез из Карабаха, когда ездил туда в гости, и посадил в честь каждого из нас. Деревья были очень красивы. Я нигде не встречала таких вкусных яблок. К тому же они очень нежные, их нужно беречь. Проведешь рукой по ним, и кончилась их жизнь. На этот раз я отправилась прямо в село. Отец не хотел, чтобы я туда ехала. Я по телефону сообщила ему о приезде и поехала к дедушке. Войдя во двор, я так и застыла на месте. Яблони высохли. Деревья, что всегда радовали глаз, теперь напоминали безхозные трупы, найденные в пустыне Каракумы.

Аиша помолчала, вытерла нос платком и опять скомкала его в руке, как будто душила злость свою в руках.

- С тех пор не могу спать по ночам. Как будто кто-то зовет меня. Но кто? Не могу понять. Голоса путаются, сливаются. Словно они из железной трубы доносятся. Мне кажется, что жизнь во мне умерла. В теле моем началась ранняя старость. Даже заболеть, как нормальные женщины, не могу. Я высохла. Ты понимаешь, что я говорю? - Я пожал плечами:

- Туманно.

- Это значит...- Аиша хотела продолжить, но почему-то остановилась, не решилась, потом то ли от нервов, то ли от волнения, вытаснула заколку из волос, зажав ее губами, собрала волосы и снова скрепила их заколкой, потом очень серьезно, не меняя выражения лица, спросила:

- У тебя было так, что ты потерял нечто, что очень любил или высохло дерево?

- Наверное, было, не помню.

- Ты, к примеру, любишь ловить рыбу, не так ли?

Я подтвердил, кивнув головой.

- Так вот, если вдруг река эта пересохнет, как ты почувствуешь себя?

- Очень плохо, - ответил я, не раздумывая.

- Вот и я так.

И опять мучительная пауза. Как будто ты на экзамене, и как бы ты не ответил, ответ твой учителя не удовлетворит. Потому вынужден молчать. А дети, играющие во дворе, напоминают студентов, сдавших экзамены и горляющих от радости.

- Через некоторое время тело мое покроется волосами, а голос стает похожим на мужской, - произнесла Аиша без явного сожаления.

- Понял, - сказал я, и почему-то мне показалось, что Аиша шутит. Но с еще более серьезным видом она продолжала:

- Когда Адила покончила с собой, было то же самое, но потом прошло.

- И сейчас пройдет.

- Для этого должны зацвести яблони.

Аиша будто разговаривала сама с собой, потом, повернувшись ко мне, сказала: - Ведь они зацветут, правда?

Я кивнул.

- Дедушка сказал, если сейчас посадить деревья, весной они зацветут. Но надо беречь их. Зимы в Копетдаге суровые. Иногда, смотришь, вслед за солнечным днем ударил мороз.

Аиша замолчала. Со двора доносились детские голоса. Они играли в футбол. Мне вспомнилось детство. Опустив голову, я теребил пальцы. Мне казалось, в такой момент нужно чем-то отвлечься. Через какое-то время я почувствовал, что Аиши нет в комнате. Из кухни доносился звон посуды. Я нажал кнопку магнитофона. Нилуфер, как всегда, пела любимую нашу песню: « Вдоль тутовых деревьев идя, не поел я тута досыта, тайно встретился с любимой, не нацеловался досыта... »

Аиша вернулась с двумя стаканами чая и сахарницей.

- Я приготовлю твое самое любимое блюдо, - сказала она, - может быть, в последний раз.

Я запротестовал: - Если в последний раз, то не хочу.

- Пока в последний раз, - сказала Аиша и взлохматила мне волосы.

Мы спустились во двор. У Аиши почти не было багажа. Как говорила она сама, все отвезла еще летом.

Дошли до станции метро «Академическая», заговорив лишь дважды.

- Напиши мне письмо, - сказала Аиша.

- Непременно, - ответил я.

И еще: - Приезжай весной, когда яблони зацветут, ладно?

- Ладно.

Дойдя до метро, остановилась. – Обними меня, - сказала. Я обнял ее. – Крепче, - сказала она.

Кости ее были такими мелкими, что хрустнули в моих объятиях. Какое-то время мы так и стояли. Волосы Аиши пахли осенью. Потом она отвела мои руки, поцеловала и, не оглядываясь, стала спускаться по ступеням в метро. Я смотрел ей вслед. И даже когда, растаяв, исчез ее силуэт, мне казалось, что Аиша все еще спускается по ступенькам. Я был похож на пациента, которому врач поставил смертельный диагноз.

Аиша уехала. Как птицы, что осенью улетают в теплые страны.

Я сел на 41-й автобус и доехал до Торгового центра. В общежитие идти не хотелось. Мне казалось, что я потерял что-то очень ценное, дорогое. Ноги не шли, я с

трудом переставлял их, сердце не желало биться. Хотелось курить. В кармане была лишь пустая смятая пачка «Явы». Купив в ближайшем киоске сигарет, просто так прослонялся по улицам. Мысли мешались. Ни время, ни пространство сейчас не имело для меня никакого значения. Сам не знаю, как пришел к дому, где раньше снимала комнату Аиша. Прошел через заднюю дверь и сел на ступеньках. Не помню, сколько просидел я там и о чем думал. Но запах все больше сгушавшихся сумерек я чувствую до их пор.

Когда я вернулся в общежитие, уже зажглись уличные фонари. Из столовой на первом этаже напоминавшего раскрытую книгу двухкорпусного здания общежития доносился звон посуды. Те, что хотели пойти в кино, стояли в очереди к билетной кассе. Увидев меня, Даша сказала: - Я взяла два билета. Жан Маре играет.

У меня ни на что не было охоты, поэтому я поднялся в свою комнату. Рамиза не было. Наверное, он у Иры. Готовятся к свадьбе. Я позавидовал им. Не выключая света, не снимая туфель, я лег на кровать. Из коридора слышался топот куда-то спешащих студентов. Общежитие напоминало школу с беззаботно играющими в ловитки детьми.

На мгновение мне показалось, что я бегу по школьному коридору за семилетней черноволосой Аишей в белом фартуке. Хочу поймать ее, но не могу дотянуться. Аиша смеется и дразнит меня. Мы бегали без усталости, вышли во двор. Там в белых цветущих яблонях пчелы пели песни. Сияло солнце, но почему-то было прохладно. Дятел стучал по стволу дерева. Звук все нарастал, и я проснулся. Сначала услышал стук часов на столе и стук проходившего неподалеку трамвая. А потом стук в дверь. Поднялся, полусонный, открыл дверь. В дверях стояла Аиша. Я протер глаза. Это была Ира, а рядом Рамиз. Первый раз в жизни я видел Рамиза выпившим.

- Через неделю у меня свадьба, давай отметим вместе, - сказал он. И мы вместе отмечали их счастье. «Интересно, каким бывает счастье у других?» - думал я. Чтобы завоевать это счастье, я бы тоже, не раздумывая, бросился в ледяное озеро.

В начале октября я получил письмо от Аиши. Она писала, что посадила во дворе яблони, купила трех голубей. Она так страстно писала о яблонях и голубях, что я невольно приревновал ее к ним.

Я перечитывал и перечитывал письмо. Не зная села Аиши, я всегда, когда она о нем рассказывала, представлял свое село. Вообще-то я такой и считаю, что все села похожи на наше. Я видел, как Аиша достает воду из колодца, как поливает деревья, как кормит голубей. Аиша была в красной шелковой рубашке, розовых шароварах, а поверх – яркое длинное платье, черное с желтым. На груди, по подолу и рукавам платье было расшито белыми нитками. На голове у нее тюбетейка, края которой украшены серебряными подвесками. Так я представлял Аишу в селе. На фотографии, снятой в детстве под яблоней она выглядела именно так. Фотография – это способ запечатлеть какое-то мгновение не только в памяти фотоаппарата, но и в памяти самого времени, а также способ воскрешать наши представления. Когда я начинал очень скучать по Аише, я брался читать повесть Андрея Платонова «Джан», видел горбатого верблюда в пустыне, которого жажда гонит к Аму-Дарье, Сарыкамышу. Представлял, как наши с Аишей души ищут друг друга на просторах Каракума.

Прежде, чем написать ответ Аише, спустился во двор. В пивной будке, видной из нашего окна, купил баллон пива и, попивая его, написал ответ. Сначала о делах в универе, о новых предметах и преподавателях, а потом о том, как я по ней скучаю. Чтобы

повеселить ее, подробно описал все события, связанные с женитьбой Рамиза, начиная со свадьбы, вплоть до того, как жених напился.

Все шло своим чередом. Даша, готовя дипломную работу, уехала в родной Волгодонск, иногда навещаясь в Москву. Интересно, что она строила односторонние планы о нашей будущей жизни. Я же находился между воспоминаниями прошлого и будущими надеждами. Романтика куда-то подевалась.

Прошло ровно четыре месяца чередой похожих друг на друга и не оставшихся в памяти дней. Основным занятием моим было перечитывать письма Аиши и смотреть на нашу фотографию в Кремлевском саду. С помощью этой фотографии я разговаривал с Аишей.

Сдав в том году зимнюю сессию, я уехал в Баку, оттуда к себе в село и, вернувшись, подробно описал в письме Аише наш двор, растущие там деревья, цветы. Как договаривались, весной, когда зацветут яблони, я собирался в Ашхабад, собрав достаточно денег со стипендий и привезенных из дома. В начале марта получил от Аиши письмо. Она писала о том, что яблони зазеленели: «Я чувствую, как они растут, как бьется их сердце. Мне кажется, что появляющиеся на них почки несут с собою новую прекрасную жизнь. В них есть призыв к жизни, они зовут жить». Письмо было написано так, словно Аиша готовила в столичную газету статью о приходе весны. В том же духе я написал ей ответ и сообщил о скором своем приезде.

Прошел Новруз-байрам, но письма от Аиши не было. Мы договаривались, что Аиша даст мне телеграмму, когда зацветут яблони. Нельзя же было просто так оставить занятия и уехать. Каждый день я проверял почту общежития, несколько раз звонил к ним в Ашхабад. Надеялся что-то узнать у ее отца. Боялся, что случилось что-то плохое.

Через два дня после Новруз-байрама удалось поговорить с ее отцом. На длинный звонок телефона ответил мужской голос. Это был отец Аиши. Я представился. На другом конце провода молчали.

- Вы слышите меня? – спросил я.
- Слышу, - ответил хриплый голос.
- Я должен был приехать, но от Аиши нет писем.

И опять молчание на другом конце. Молчали так, что я слышал радио. «В столице 3-5 градусов мороза...»

- Алло, - сказал я, - деревья зацвели? – И опять нет ответа.
- Алло, вы слышите меня? – я почти кричал.
- Слышу...
- Почему же не отвечаете? Мне нужна Аиша.
- Нет, - ответил он, - не зацвели...

- Как не зацвели? – Казалось, в этот миг в моих жилах застыла кровь. Я напоминал человека, который в одно мгновение осознал, что для него закрыт и вход, и выход, и то, что выхода не найти, и что даже искать его бессмысленно, отчего руки и ноги его обмякли.

- Зима в этом году была суровой, - вздохнул мужчина, и этот долгий, как мысли мои, вздох его я почувствовал рядом с собой. Как будто отец Аиши говорил со мной не по телефону, а сидя рядом, бессильно прислонившись ко мне, а телефонная трубка была его рукой, в которую я вцепился накрепко и легко выпускать из рук не собирался.

- А Аиша? – спросил я и сглотнул с трудом. Мне казалось, что к горлу моему присосалась огромная пиявка.

- Аиша в больнице, - сказал он, потом добавил, - в психиатрической больнице. Жестокий боксер нанес второй удар. Я с трудом сохранил равновесие.

- Тогда я еду, - прохрипел я.

- Нет, не приезжайте, - отозвался мужчина. – Она никого не хочет видеть.

-Что значит не хочет видеть?!

- Поймите меня правильно. Она, действительно, никого не хочет видеть, особенно она не хочет, чтобы приезжали вы.

- Но почему? – спросил я, задыхаясь, - почему?

- Не хочет, чтобы вы видели ее в таком состоянии. Как только она немного поправится, сама вам напишет...

Жестокий боксер нанес третий, последний и решительный удар и прыгал теперь посреди ринга...

Мы оба молчали. Стояли безмолвно, как люди, сообщившие друг другу весть о смерти. Теперь ничто не могло меня утешить. Все кончено. Но я, как люди, что не хотят отдаваться смерти и четырьмя лапами цепляются за жизнь, не хотел мириться с этим. Впереди было еще много весен. В душе, в сердцах, может, в сотый раз проклинал яблоневые деревья.

Телефонистка напомнила о том, что время истекло. В трубке раздались гудки, на другом конце положили трубку. Я тоже повесил трубку, вышел из будки и рухнул в ближайшее кресло.

26. ЭПИЛОГ

Аишу я увидел ровно через 13 лет. Белоснежные облака заглатывали самолет. Голубое небо постепенно превращалось в море. Большая рыба, сверкая в солнечных лучах и подпрыгивая то и дело к небу, тянула меня к себе. От волнения я был легким-прелегим, как сигаретный дым. Я выскользнул из иллюминатора самолета. Рыба все удалялась от меня, пока не превратилась в малюсенькую, едва различимую точку. Потом эта точка бумерангом вернулась обратно и, обернувшись голубем с полоской на шее, полетела меж облаков, помахав мне нежными крыльями. Я присоединился к белым облакам и полетел следом за ней. Странно, под облаками, в эту пору осени цвели яблони. Белые-пребелые яблоневые цветы, будто не желая потревожить чей-то сон, нежным шепотом звали Аишу... Аиша...

Конец
Осень – 2002

